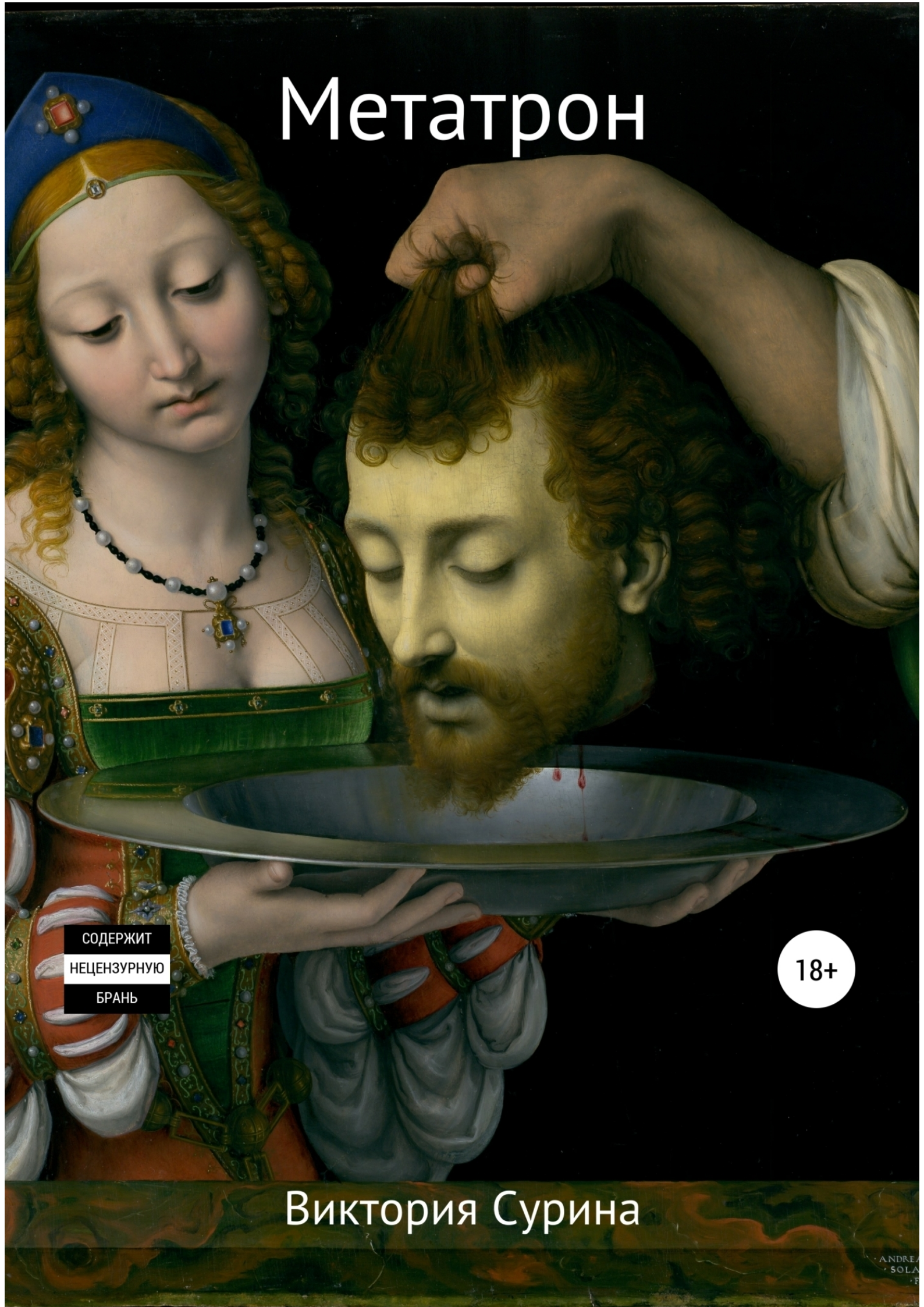

Метатрон

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктория Сурина

Виктория Сурина

Метатрон

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сурина В.

Метатрон / В. Сурина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Синеглазая бедуинка подбирает в сирийской пустыне солдата в форме армии Израиля. Он сильно обгорел на солнце, получил тепловой удар и, конечно, ничего не помнит, даже собственного имени. Теперь им предстоит узнать правду друг о друге, а заодно спасти и сохранить голову Иоанна Крестителя, с которой они связаны больше, чем думают...За 2000 лет до указанных событий в Римской провинции Иудея разворачивается история величайшего из ангелов Божьих - Метатрона. Сделанный им выбор между смертной женщиной и божественным долгом раз и навсегда переворачивает историю человечества...Эти истории обязательно пересекутся, но лишь тогда, когда время придет. Содержит нецензурную брань.

Виктория Сурина Метатрон

Острые, раскаленные добела лучи царапают лицо. Скребнут рубашку, проскальзывают лезвиями за воротник.

Хочется сбежать, спрятаться от них. Хотя бы закопаться в песок. Упасть и зарыться, вгрызаясь зубами и ногтями. Ведь там, подо всем, обязательно есть нечто темное, прохладное и влажное. Земля? Глина? Или все тот же песок?

Но падать нельзя. Это ловушка. Шуршащие, шепчущиеся барханы только того и ждут. Упадешь – затянут, засосут и перемелют в порошок. Сотрут кожу, мясо, кости...

А вы как думали, откуда эти мириады песчинок? Это скелеты тех, кто не встал. Все пустыни, как горы крематорного пепла – когда-то бегали, дышали и хотели жить. А теперь все, что могут – шуршать и перешептываться.

Это не похоже на гул моря, это похоже на голодное змеиное шипение. Такое громкое в тишине, что глохнешь. И ветра нет, о, если бы был ветер! Нет, это они сами по себе. Оседая, мешаясь, поднимаясь и сползая под собственным весом.

Ты затыкаешь уши и все равно слышишь, как они шипят и шуршат, и просят тебя сдаться, отдаться им. Ведь все закончится...

Но ты делаешь вид, что тебе все равно, и идешь дальше. В тяжелых армейских ботинках хлопает. Они насквозь промокли от пота. Каждый шаг дается с трудом – ноги вязнут. Это барханы тянут к тебе песчаные ручки, хватают за щиколотки. Останься-останься!

Хочется плакать, от боли, бессилия, безысходности. Плакать по-детски, уткнувшись в ладони руками и звать маму. Но слез нет, воды нет. Последняя осталась хлюпать в ботинках, но и та скоро иссохнет.

При мысли о воде, от жажды сводит зубы. Но чтобы попить – нужно открыть рот. А губы давно спеклись, вросли в друг дружку, и даже легкое движение – пронзает болью все тело. Измученное, истощенное тело. Двадцать процентов того, что без воды.

Дышишь только носом. Дышишь и чувствуешь, как пыль и песок заполняют легкие. Есть ли в этом песке кислород? Хоть капельку.

У барханов отличный план. Если они не могут засыпать тебя снаружи – они засыпят тебя изнутри. Сначала забьют до отказа легкие, потом бронхи, потом трахею, потом закрытый рот, носовые проходы, пазухи и сами ноздри. И вот, ты уже песочный человечек. Барханы снова победили...

Есть ли хоть шанс, хоть крошечный, выиграть эту гребанную битву?

Я иду, едва переставляя ноги. Хотя давно уже не помню куда лежит мой путь, и что ждет меня в его конце.

Глаза разъело потом, руки покрылись волдырями, мозг разогрелся и стал похож на суп. Осталась только воля. Где-то глубоко внутри. Наверное, там для нее есть отдельный холодильник. Последнее прибежище, спасательный круг. Когда ничего уже не работает, когда потерял смысл, когда потерял человеческий облик – ты как животное продолжаешь жить.

Жить, чтобы идти вперед. Или идти вперед, чтобы жить?

Как будто у меня есть выбор и шанс. Как будто у меня его нет...

Где-то обязательно должен быть выход. Возможно, где-то здесь – в стене раскрашенного неба.

Я давно заметил ее. Она стояла в длинной очереди страждущих, что жаждали принять очищение из моих рук. Она стояла, кутаясь в лазурную паллу, будто задувал прохладный ночной ветер, а не палило полуденное солнце. Я видел только эту лазурную паллу и бормотал слова

молитвы бездумно, бездушно, не пропуская через себя тех, что были в очереди перед ней. Мое искушение сжигало меня изнутри, и я не мог ему противиться. Я не знал, как это делать...

– Я пришла, чтобы ты омыл меня в водах Ярдена и смыл все грехи, мною содеянные, – сказала она положенное, опустившись на колени.

Я зачерпнул горсть воды и занес ее над головой искусительницы. Искрящиеся струи потекли на медные пряди волос, и они заблестали на солнце, споря с ним своим сиянием. Я прошептал слова завета, и она поднялась.

– Я хочу спросить тебя о многом, Странник... – заглянули в меня зеленые глаза.

– Здесь много людей, госпожа... – только она и Б-г звали меня Странником, неужели Он говорил с ней?

– Я не тороплюсь, – искусительница мягко улыбнулась, словно перед ней был новорожденный младенец, а не взрослый мужчина.

Люди шли нескончаемым потоком, а я что-то бормотал над ними, не в силах отвести взгляд от растворяющегося в знойном мареве девичьего образа. Меня бросало то в жар, то в холод, и сознание мутилось. Неясная тревога накатывала удушающей волной, я не чувствовал ни ног, ни рук. Только что-то внутри меня все еще молило Господа о спасении из последних сил. Тщетно, сколько бы молитв не было бы произнесено – эта чаша не минует меня.

Медноволосая дева смиренно дождалась, пока вереница страждущих иссякнет, и последний грешник очистится. Она припала губами к моему рубищу – и вспыхнул огонь, что едва тлел... Я горел, снедаемый ею, будто неведомой болезнью. Один Господь знал, как хотелось мне сдаться и пойти по ее следам!

– Зачем ты здесь, Странник? – прошептала она, и шепот этот был похож на трепет розовых лепестков на ветру.

– Я пришел, чтобы указать вам машиаха...

– Но люди говорят, что ты машиах, – она не задавала вопросы – она пыталась меня. Пыталась с нескрываемым удовольствием, зная, какую силу имеет, и пробуя ее. Так щенок покусывает руку хозяина или хвост суки, обещая впиться в горло врагу, когда подрастет.

– Люди не знают, что говорят, госпожа, – я не смел поднять глаз и смотрел на воду, омывающую ноги. Но я знал, что мое искушение коварно улыбается, как древнее дикое божество, которое мне не победить.

– Почему ты называешь меня госпожой?

– Я видел твой золотой браслет, госпожа.

Медноволосая дева смущенно поправила паллу, чтобы прикрыть узкое запястье, обвитое золотой змеей с изумрудным глазом. Она раскраснелась и потупила взор, словно ее застали за недозволенным. На мгновение почудилось, что передо мной обычная женщина, а не проклятие небес. Но ее глаза вспыхнули колдовским огнем, и мираж исчез, растворившись в раскаленном воздухе Палестины.

– Я могу прийти сюда снова? – спросила медноволосая.

– Ты вольна делать все, что тебе вздумается, госпожа.

– Ты хочешь этого, Странник?

Я поднял голову, и зеленые глаза впилась в меня, будто тысячи растревоженных пчел. Что-то невыносимо горячее разлилось внутри, и губы пересохли, лишив меня дара речи. Она вновь улыбнулась, увидев мой стыд. Она была довольна. Моя искусительница, мое божественное проклятье!

– Я приду сюда снова, Странник.

В начале была боль. И кроме боли не было ничего.

Она не отступала, не уходила. Она изнуряюще жгла и пекла, не останавливаясь, не снижая накала. Наверное, это ад. Я уже умер, и черти варят меня в смоле. Передышки не предвидится.

Я попробовал открыть глаза, но веки не поддавались. Я мог видеть только их обратную сторону и разбегающиеся колечки света.

Наверное, это все же не смерть... Уж точно не ад, там бы мне не закрыли глаза. Или закрыли? Их же закрывают, когда умираешь? И все слепые. И в раю, и в аду. В аду-то уж точно, чтобы ощущения были ярче, а существование – страшнее.

Но пахло здесь не серой. Обоняние, сумевшее пробиться сквозь жар и боль, учуяло запах. Запах спекшейся крови, освежеванного мяса и почему-то – кислой овечьей шерсти. Так кисло пахнет в мечетях – так пахнут мягкие персидские ковры, истоптанные тысячами босых ног.

Я попробовал пошевелиться, но тело не слушалось, а каждое движение лица, даже дыхание, было настоящей мукой – кожу разрывало, словно тонкий пергамент.

Паника удушливой волной подкатила к горлу, по спине пробежал холодок липкого пота, в висках застучало. Я понял, что слышу только стук собственного сердца и кровь, спешащую по жилам.

Закричать. Закричать, чтобы оттолкнуться хотя бы от собственного крика, чтобы осознать себя в пространстве. Но нет, не в этот раз...

Губы спеклись, вросли друг в друга, как бинт врастает в рану. Попытка раскрыть рот провалилась, и я смог только замыкать. Так тихо и невнятно, что и сам не был уверен – мои ли это звуки и существуют ли они вообще.

Я был заперт в собственном теле. Мое сознание билось в застенках, не находя выхода. Может, это кома? Господи, пожалуйста, дай мне выбраться! Дай. Мне. Вырваться.

Собрав все силы и всю волю, что еще оставались, я разорвал спекшиеся губы, и закричал. Но услышал только слабый, хриплый стон.

Пересохший рот окропился кровью, ее солоноватый вкус был живым. Я был живым. И, узнав ответ на главный вопрос, ватный, больной мозг подкинул еще один. Еще два. Где ты? Кто ты?

Как только что проснувшийся, я теперь пытался обрести себя. Очнуться в собственной постели, в чужой постели, в какой-нибудь постели...

В голове должны были пролетать картинки с местами, где я жил. Но они не пролетали. Вместо них чернела все та же пустота обратной стороны век.

Но вдруг, что-то на мгновение блеснуло. Как будто случайный лучик солнца заглянул в мою могилу. И я услышал мягкий шорох. Тут, и правда, был ковер, и некто шел по нему. Шел, чтобы остановиться рядом со мной.

Тонко зазвенела металлическая посуда, ее, наверное, поставили на пол. В воздухе разлился нежный, сладковатый восточный аромат. Какие-то цветы. Жасмин? Роза?

Пришедший затянул вполголоса заунывную, увлекающую в транс мелодию, и моих век коснулась теплая, влажная, ароматная ткань.

Похоже глаза загноились, и ресницы плотно склеились засохшим гноем. А теперь влага его растопила, и я наконец прозрел.

Смотреть было больно, хотя кроме темноты и смотреть было не на что. Только под глазами светлела маленькая тонкая рука и белела холщовая тряпочка, мягко касавшаяся моего лица. Тряпочка успокаивала и утешала. Терзавшая тело боль становилась глуше, как будто откатываясь куда-то вглубь, прячась, укутываясь, забываясь.

Я засыпал, обретая покой. Сознание уже не казалось заточенным. Ему становилось хорошо и уютно внутри истерзанной, измученной плоти. Плоти только требовалась передышка, отдых, чтобы восстановиться и снова заработать, как раньше... Надо было дать ей эту возможность.

Прежде, чем провалиться в сон, сквозь смыкающиеся веки я успел заметить женщину. Женщину в белом платке, склонившуюся надо мной.

У нее были синие глаза. Большие синие глаза.

Габриэль мягко опустился на землю и глубоко вдохнул пряный и терпкий ночной воздух. Похолодать еще не успело, но звезды уже высыпали на чистый и ясный небосклон. Габриэль любил бывать на земле и даже немного завидовал брату, которому выпала честь прожить здесь целую жизнь, жизнь человека.

– Братец, твой земной путь окончен! Можешь собираться домой! – ответа не последовало. Темная, сгорбленная спина, едва проступавшая сквозь ночную мглу, осталась безучастной к таким новостям. Габриэль смутился, но продолжил, – Завтра к тебе придет машиах, ты укажешь на него людям, передашь ему учеников и будешь свободен!

И снова тишина. Габриэлю даже пришла шальная мысль, а не умер ли брат? Возможно, ли это при теперешнем его состоянии? Он подошел к нему и аккуратно положил руку на острое, отощавшее плечо.

– А что потом? – брат повернулся к Габриэлю, и тот невольно отшатнулся. На него смотрела страшная восковая маска, кости, едва обтянутые кожей, и большие, впалые черные глаза, нервно поблескивающие при свете звезд.

– Эм... Потом... Потом тебе нужно будет умереть, как человеку, естественно. Мы что-нибудь придумаем, ты же знаешь.

– Она меня убьет? Да? Вы же специально так придумали? Она приходит ко мне каждый день. Каждый день, брат. То стоит в толпе, то подходит с вопросами, то твердит как заведенная: «Ты машиах, ты! Стань машиахом!» А я ничего не слышу, я вижу только тонкую смуглую кожу с голубоватыми прожилками, маленькую острую грудь и узкие мальчишечьи бедра, покачивающиеся на каждый шаг... Что со мной происходит? Зачем вам это? – он вдруг схватил руку Габриэля, вцепившись в нее колючими, костлявыми пальцами. Малах даже почувствовал боль и прикусил губу – воплощаться на Земле было естественно, но не всегда приятно. Уж лучше бы он явился брату дуновением ветерка.

– Братец, ты же знаешь, что раньше ангелы могли бывать на земле по своей воле и жить с земными женщинами, но Господа это не устроило, и он сделал нас бесплотными духами. Теперь мы спускаемся лишь по его указам, и только здесь обретаем телесный образ или какой иной. Тебя, как великого священника, великого князя и вождя небесных ратей Б-г направил сюда с важнейшей из миссий. Для этого ты принял человеческое обличье, а, значит, и все, что оно влечет за собой – свободную волю и право выбора. Посылая тебе женщину, Б-г дает тебе другой путь. Выбери правильный, вот и все, – Габриэль чувствовал, что сам не верит в то, что говорит. Это были заученные фразы, которые знал каждый малах. Фразы, которые вряд ли могли помочь метущемуся Йоханану.

Состояние брата пугало Габриэля. Да, Б-г дал своему Первосвященнику тяжелое послушание. Но разве мог он, высший из малахов не справиться с ним? А Йоханан, очевидно, не справлялся, он был потерян и истощен. И никто не сказал Габриэлю, что ему делать в этом случае, как помочь брату выкарабкаться и снова обрести почву под ногами. Вот и приходилось повторять банальные истины, не имея ничего другого под рукой.

– А что будет, если я пойду с ней, а не с Б-гом?

– Для мира ничего не изменится. Машиах все равно придет. Не завтра, так послезавтра. Не здесь, так в другом месте. Кто-то займет твое место подле трона Господа. Все пойдет своим чередом, другим, но тоже своим.

– Что ждет меня?

– Не знаю... Жизнь, обычная человеческая жизнь. Со смертью и разложением в конце. И вряд ли она будет праведной и счастливой, с такой-то женщиной и с таким-то грехопадением. И, конечно, туда, – Габриэль ткнул пальцем в черную сияющую бездну, распростертую над их головами, – ты больше не вернешься. Справишься? – он не хотел пугать брата, но что еще он мог ему ответить? Это Йоханану дали человечность, как послушание и благословение, а

ему, никогда не приходилось быть кем-то еще, кроме как безвольным посланцем Г-да. Он не понимал, что твориться в голове у брата, и не мог понять. Всемогущий малах был бессилён перед человеческим естеством.

«Как можно променять Царство небесное на земную женщину? Разве это стоит того? Может, другой наш братец приложил руку к помешательству Йоханана?» – Габриэль отчаянно пытался найти ответы, он чувствовал, что первый из малахов готов сдаться и свернуть не туда. А что может быть страшнее?

– Человеческие страсти обходятся дорого, посмотри на себя! Не здесь твое место, – Габриэль пытался воззвать к разуму Йоханана. Где-то глубоко внутри он не верил ни в побег брата, ни в то, что реальная свобода выбора существует. Но то, что представало перед его глазами теперь, говорило об обратном.

Цепкая братская хватка ослабла, и Габриэль смог выпростать свою руку. На ней остались глубокие вмятины от ногтей и сине-багровые кровоподтеки. Как хорошо, что все это ненадолго. Нет, завидовать земной жизни не стоит. Лучше подсматривать за ней в замочную скважину и иногда спускаться, чтобы подышать и почувствовать. Этого более, чем достаточно.

– Ты что-то решил?

– У меня еще есть время подумать, – брат снова отвернулся от Габриэля, но что-то в его облике ожившего отчаяния изменилось. Что-то едва уловимое и совсем человеческое...

Меня бросало то в жар, то в холод. Я то просыпался, то вновь проваливался в тупую бездну болезненного сна. Это был калейдоскоп пробуждений – россыпь фрагментов, которые никак не хотели собираться в единый пазл.

Блеск длинных медных сережек, колкое касание грубого бинта, кислый вкус питья, которое мне давали на губке, будто Христу...

Не знаю сколько прошло времени, но постепенно пробуждения становились длиннее, боль тише. Осторожно, поскрипывая, включался в работу мозг.

Я был жив и нездоров. Ощупать себя я не мог – кисти рук кто-то тщательно забинтовал, приходилось опираться на ощущения. Конечности шевелились, голова тоже, я мог поворачиваться с боку на бок – значит, обошлось без переломов. Без серьезных переломов.

Я подхватил какую-то инфекцию? Когда и где? Зачем тогда бинты? Лицо, кажется, тоже было перевязано...

Ответы находились постепенно. Что-то вспоминалось, о чем-то я только догадывался. Мозг очень неохотно делился информацией. Он работал, как полетевший жесткий диск – из него можно было что-то выковырять, но только с программой восстановления. И я восстанавливал битые байты, один за другим, как мог и как умел.

Я лежал в пещере. То ли вырубленной в скале, то ли естественной. Но довольно глубокой и просторной. Здесь всегда было прохладно и влажно. И темно. Свет снаружи проникал только иногда, когда ветер или неаккуратность входившего создавали щель между двумя коврами, занавешивавшими вход.

Перед коврами смолили, отбрасывая страшные тени, масляные лампы. Слабое, мягкое сияние давала и лампадка, стоявшая в дальнем углу. Там было что-то вроде домашнего алтаря или михраба.

Овечий запах мечети, так поразивший меня, шел от ковров. Дорогих, натуральных ковров. Они не только заменяли дверь, но и лежали на полу, висели на стенах, вместо обоев, и даже застилали потолок.

То тут, то там ковры покрывали темные влажные пятна. По одной стене даже стекал ручеек. Воды в пещере хватало, чистой и пресной.

Посмотрев на капли, которыми потела пещера, я почувствовал сухость во рту. Почувствовал, и сам себя одернул: «Не так уж тебе и хочется пить! Вот тогда пить хотелось по-настоящему!»

Тогда – это когда?

Калейдоскоп на этот раз сдался и услужливо подsunул мне недостающий пазлик. Я увидел, как иду по барханам, один. На мне запыленная военная форма и берцы. А кругом, насколько хватает глаз – только раскаленное небо и раскаленный песок...

Похоже меня настиг удар, тепловой или солнечный, или оба разом. Кисти рук и лицо не были закрыты одеждой, а потому обгорели. Пока все логично.

От перегрева и обезвоживания я потерял сознание, а синеглазая женщина подобрала меня и притащила сюда, в пещеру. Настоящее чудо. Если учесть, что кроме нее я никого не видел, а значит, она справилась самостоятельно с крепким мужиком в отключке. Впрочем, таскали же медсестры раненых в войну, еще и под пулями...

Хотя, может, и тут стреляют? Местность, которую я вспомнил, и обстановка пещеры, намекали, что я где-то на Большом Ближнем. Может, в Северной Африке. У женщины, которая меня спасла, было очень странное одеяние. Домотканый серо-белый балахон, скорее мужской, чем женский, и хитро повязанный тюрбан из той же ткани. Бедуинка? Берберка? Или из племени туарегов? Но они, кажется, не так одеваются...

Надо бы спросить у нее про форму. Сейчас на мне был такой же балахоне, что носила и моя спасительница. Вряд ли я валялся голым в песке, раздеть меня там было некому. Значит, это она меня передела. Значит, есть шанс, что форма сохранилась, если, конечно, не пришла в негодность и не была выброшена или сожжена.

На форме могли быть подсказки: шевроны, нашивки, погоны. Сейчас ведь даже имена нашивают... Камуфляж тоже разный, и крой или как это называется? Можно определить страну, род войск. Вдруг что-то сохранилось в карманах? Оружие там вряд ли могло быть, но документы, карты, жетон – наверняка. Любая зацепка пришлась бы кстати.

Мне нужно вернуть себе личность. Снова обрести себя. Во что бы то ни стало. Иначе какой из меня человек?

Вдруг не хватает всего лишь пары байтов, чтобы вспомнить все?

Яэль пряталась в прибрежных зарослях тростника, дрожа то ли от утреннего ветра, то ли от страха. Простая рабыня, она была вынуждена служить и грозной царице Иродиаде, что приставила ее к своей дочери, и самой царевне, взбалмошной и переменчивой...

Вот, и теперь она не знала, хорошо ли сделала, что сбежала из дворца с младшей госпожой или плохо, что не доложила старшей?

Мать запретила Саломее покидать дворец, и еще строже – ходить на Ярден, к пророку Йоханану, прозванному га-Матбилем. Но разве ее удержишь? Дождалась Саломея середины ночи, когда сон одолевает даже самых надежных стражников, и выскользнула вместе с Яэль сквозь садовую калитку.

Она не могла оставаться в покоях, ведь к ней явился малах в белоснежных одеждах, сияющий, словно солнце, так что больно было на него смотреть. Явился и сказал Саломее, что нужно прийти на Ярден, ибо наступил день, когда Б-г явит избранному народу обещанного машиаха.

Малах пришел к царевне во сне. Яэль не видела его, да и не верила ни в иудейского Б-га, ни в божественных посланников. Она была родом из Набатеи, из тех заповедных мест, где все еще славят Иштар и Баала. Яэль лишь следовала стопами своей юной госпожи, не имея права на собственную волю.

«Яэль! Сегодня Б-г объявит Его машиахом, и я упаду ему в ноги, омою своими слезами, вытру своими волосами и попрошусь в жены! Я должна следовать за машиахом, я должна быть

его тенью – вот моя судьба. Вот то, что сказал мне малах!» – говорила Саломея рабыне, мечась по своим покоям, будто пойманная птичка. Она не знала сесть ей или встать, бодрствовать или пробовать уснуть, одеться царевной или служанкой, спрятать ли волосы под покрывало или убрать камнями на эллинский манер?

Саломея измучила Яэль своим беспокойством, заразила им, будто болезнью, и она, тоже не спавшая, уже не могла отличить день от ночи, а сон от яви. Рабыня и очнулась от наваждения лишь сейчас, когда свежий утренний ветер забрался под покрывало и холодком пробежал по ее спине.

Яэль стоило остановить госпожу или передать весточку царице... Им несдобровать, когда вернуться во дворец, ведь Иродиада обязательно узнает, что они были сегодня на Ярдене и беседовали с пророком...

Солнце лишь позолотило самый край неба, а на пустынном берегу реки – уже яблоку негде было упасть. Но паломники продолжали стекаться к Ярдену со всех окрестных дорог. Будто к каждому иудею, эдомиту и галильянину явился малах с благой вестью от Г-спода.

Яэль и раньше приходила сюда с царевной, но никогда прежде не видела столько людей... Людей, что ждали лишь одного слова, слова, освобождающего от боли и страданий.

Это слово, словно бремя, уже тысячи лет вынашивал иудейский народ, вынашивал так долго, что устал ждать. Пришло же время разрешения измученной роженицы!

Яэль не понимала их, не понимала их веры, и боялась. Боялась, что, не услышав заветного слова, они растерзают и Пророка, и всех, кого сочтут виновными в задержке. А она была виновной и тем, что родилась рабыней и тем, что не отказалась от своих богов.

Но вот, по толпе, пронесся неясный шум, и все зашевелились, выстраиваясь по порядку друг за другом, чтобы успеть смыть грехи, накопленные за жизнь, прежде чем солнце закатыться за горы. Они спешили, потому что га-Матбиль, уже вышел из пещеры со своими учениками, а он не любил суеты, людских криков и возни нерасторопных. Нельзя услышать Б-га среди шума – он часто прерывал этими словами омовение, Яэль не раз слышала их.

Га-Матбиль обвел уставшим взглядом собравшихся и замер, остановившись на зарослях тростника, где прятались Яэль и Саломея.

– Он смотрит на нас, он знает, что мы здесь! – Саломея вцепилась в руку служанки так, что она чуть не вскрикнула. – Это твой последний день, Яэль! Я пойду за машиахом, а ты станешь свободной!

Царевна походила на одержимую, ее глаза лихорадочно блестели, и она вряд ли понимала, что говорит и зачем.

Га-Матбиль тем временем поднялся на камень, тяжело вздохнул и обратился к людям:

– Я знаю, что сегодня ко мне пришел особенный человек. Человек, которого вы все ждете. Я хочу, чтобы он первым подошел ко мне, и вы пропустили его.

Многоголовая, многогласная толпа снова зашевелилась и зашумела. Будто каждый спрашивал каждого: «Ты ли тот, кого мы ждем?» Но никто не посмел выйти к Га-Матбилю из этого кишашего людского моря.

Га-Матбиль покачал головой и снова обратился к собравшимся, только уже тише и вкрадчивей:

– Пришло твое время брат! Негоже тебе прятаться от чаши полной благодати, выйди вперед, кем бы ты ни был!

И снова никто не подал голоса, боясь богохульства. Все вокруг молчали, лишь ветер шелестел тростником и юбками, прятавшихся в нем женщин.

– Я понял тебя учитель, я понял! – вдруг вскрикнул один из учеников Га-Матбиля, истощенный, бледный юноша с горящим взором. – Ты хочешь, чтобы мы сказали это! Чтобы наконец узрели правду и сами произнесли то, что ты не желаешь, по своей скромности! Мы ждем

тебя, Учитель, ты машиах, ты принесешь нам свободу! – он рухнул на колени, и вся толпа последовала за ним. Воздух наполнился гулом, слившихся воедино криков:

– Машиах, машиах, машиах!

То же кричала в иступлении и Саломея, не слыша и не узнавая собственного голоса. Одна лишь Яэль смотрела теперь на га-Матбилиа. А он молчал. Молчал, тяжело опираясь на посох, и взгляд его был болезненен и печален.

– Умолкните! – га-Матбиль ударил посохом по камню, – Как к вам придет тот, кого вы ждете, если вы приветствуете не его?!

Люди испуганно замолчали, недоумеая, чего же хочет от них Пророк.

– Я лишь перст указующий, я не машиах! Много раз было говорено вам! Но мой глас, будто глас вопиющего в пустыне – теряется вдали, не добираясь до ваших ушей! – казавшийся слабым, измученным постом, га-Матбиль вдруг превратился в гневного обличителя, в малаха б-жьего, размахивавшего посохом, словно огненным мечом. – Истинный Спаситель народа иудейского прячется от вашей дури и безумия в тростнике, ибо вы не способны его встретить, как подобает! – га-Матбиль вдруг указал посохом на то место, где прятались Яэль и Саломея.

Они обе вздрогнули и переглянулись. Машиах должен быть мужчиной – но о ком же тогда говорит Га-Матбиль?

Тростник справа от женщин зашевелился, и из него к Ярдено выступил молодой мужчина, загорелый, свежий, раскрасневшийся... Крестьянский первенец, любимец и гордость матери, он был совсем не похож на святого в людском представлении.

– Прости мне мое малодушие, Йоханан! – он смотрел прямо на га-Матбилиа и шел к нему по реке, как корабль идет на огонь маяка.

Йоханан, увидев его, улыбнулся и просиял, и двинулся навстречу мужчине, что вышел из зарослей тростника. Он простер к нему руки и заключил в объятия, как только они встретились.

Они стояли по пояс в воде, в самом глубоком месте Ярдена. Но воды, будто смутившись, внезапно расступились, обнажив дно и оставив одежды праведников сухими.

Яростный стон сорвался с тысячи уст. Но страшнее всего был стон, что вырвался будто из самого сердца юного ученика га-Матбилиа. Он рванулся к учителю, но другой спутник пророка, спокойный и крепкий, остановил его:

– Адир, не вмешивайся в то, чего не ведаешь.

Ученик замер на полпути, но душа его все еще металась, это было видно по глазам.

– Я знал, что ты придешь сегодня, брат мой, – суровый и грозный Пророк теперь сиял, будто преисполненный значением. Он помог мужчине из тростника взобраться на камень, где прежде стоял сам, и преклонил колено перед ним, и поцеловал край его одежд. – Мое время окончено, Ты, Сын Человеческий, поведешь их за собой! – обвел посохом безмолвствовавшую толпу га-Матбилиа.

Мужчина из тростника внимательно проследил взглядом за этим движением Пророка, то ли чтобы осмотреть свое притихшее воинство, то ли чтобы наметить пути к спасению.

– Иешуа из Нацрата – вот, кто ваш машиах! – воскликнул га-Матбиль и вскинул свой посох вверх, будто протыкая им небо.

И небо вдруг поддалось Пророку – разверзлось, словно прорвавшись, и пролило сквозь прореху столб света на того, кто был назван машиахом. Мягкое голубоватое сияние, несравнимое с солнечным, обволокло и укутало его, будто царским покрывалом, и толпа, замороженно притихла.

Укутанный светом, просиявший ликом Иешуа из Нацрата протянул открытые ладони к людям, но они в страхе отшатнулись от него и прикрыли глаза, чтобы не видеть света и не чувствовать тепла.

Тогда загрохотали небеса, и сквозь их страшный и гневный рокот каждый смог услышать голос Б-га: «Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Моё благоволение!»

И все, кто был на Ярдене, почтенные госпожи, богатые купцы, нищие и калеки, рыбаки и переодетые царедворцы – все бросились прочь, причитая и спотыкаясь, плача и теряя рассудок. Они так ждали своего машиаха, что, увидев его – обратились в бегство. Лишь несколько мужчин остались в замешательстве у реки, не понимая узрели они чудо или злое наваждение. Да Яэль и Саломея не тронулись с места, ожидая исхода того, что случилось

Столб света померк, и Иешуа, опустошенный и ослабевший, сел на камень. Его большие синие глаза были полны слез.

– Не расстраивайся Иешуа, ты только в самом начале пути. Возьми моих учеников и тех, кто не побоялся узреть тебя и Г-спода в тебе, ступай проповедовать в Йерушалаим и окрестности. Придет время, и они все пойдут за тобой, – Йоханан положил руку на плечо машиаха, пытаясь утешить и придать ему сил.

Белый голубь слетел со старой оливы, что нависала над Ярденом, и, воркуя, присел на другое плечо Иешуа.

– Видишь, то святой дух приветствует и подбадривает тебя, брат мой! Ты не один, – ласково улыбнулся га-Матбиль.

Яэль не знала, куда смотреть, и что ей делать. Всем сердцем она вдруг потянулась к человеку с голубем на плече. Она не верила иудейскому Б-гу, но была готова поверить ему. Она видела то, чего нигде и никогда не могло быть. И это чудо не напугало ее. Свои женским сердцем она чужая, что Иешуа из Нацрата больше, чем человек или праведник. Он – все, все, что только может быть на земле.

– Пойдем, Яэль... – голос царевны звучал грубо и отрешенно. – Ты хотела мне показать, где в Йерушалаиме поклоняются твоей богине, Иштар. Покажешь? Говорят, мать с отчимом отправляются туда на пасху.

– А как же машиах? – вздрогнула Яэль, для которой само имя прежней богини вдруг стало чужим и болезненно острым.

– Если Б-г не хочет его узреть, я сама создам его, – рабыня не узнавала госпожу, что-то в ней надломилось и будто умерло. Куда пропала юная девушка, что только пробовала свою женскую силу? Она повзрослела и постарела за эти мгновения, словно молодое деревце, в которое попало молния. – Создавать мужчин – вот женский удел, ведь так говорит моя мать? – Саломея расхохоталась так громко и резко, что от ее смеха вздрогнули даже те, кого не напугал глас Г-сподень...

Когда под знакомый перезвон медного подноса и стоявшей на нем посуды вошла Синеглазая, я сделал вид, что сплю. Хотелось понаблюдать за ней, пока она не видит.

Женщина поставила поднос на ковер у моего изголовья и села на пятки спиной ко мне. Я видел только ее балахон и тюрбан. Между ними вызывающе темнела загорелая крестьянская шея, на которую из-под тюрбана просачивались жесткие черные кучеряшки, похожие на шерсть барашка.

Подол балахона немного задрался и бесстыдно оголил ступни женщины. Грязные, заскорузлые, привычные к босому хождению по горячему песку, острым камням и колючкам.

Моя спасительница была небольшого роста и несколько полновата. Полновата той мягкой, плавной полнотой, которая так свойственна арабским женщинам, и которую так ценят арабские мужчины.

Я не мог сейчас разглядеть ее лицо, но помнил, что оно круглое, с милыми щечками и пухлым бантиком алых губ. Синие глаза, по обычаю, были жирно подведены сурьмой, от чего казались еще больше и выразительнее. Крупноватый нос с небольшой горбинкой совсем не портил впечатления, хотя красавицей эту женщину нельзя было назвать.

На вид я дал бы ей лет тридцать, может, чуть меньше. Из-за жаркого и сухого воздуха, на Большом Ближнем лицо стареет очень быстро. Поэтому у них и принято иметь четыре жены, одну младше другой.

Как я успел заметить, на подносе стояла каменная ступка и несколько маленьких фарфоровых пиал. И пока я смотрел на женщину, которая меня спасла, она занималась более полезным делом – интенсивно толкла в ступке что-то очень пряное, распространявшее по пещере густой аромат восточного рынка. Похоже, это было мое лекарство.

Движения крепких рук были ловкими и точными, чувствовалось, что им давно знаком и рецепт, и работа. Одни ингредиенты быстро и мощно дробились, другие – аккуратно раздавливались. Растолчённое осторожно сыпалось в пиалу, смешивалось, проверялось на цвет и на запах...

Это все походило на колдовство. Я даже вспомнил, что арабы всегда боялись голубоглазых. Считалось, что одного взгляда им достаточно, чтобы навести порчу на человека.

Если меня спасла колдунья, то это объясняло многое. Такие люди обычно живут в одиночестве, а я ни разу не видел никого кроме нее. Да и выздоровление мое, по ощущениям, заняло едва ли больше недели, ну максимум – две. Синеглазая оказалась талантливой знахаркой.

Мой взгляд был слишком пристальным – оставив колдовство, женщина обернулась. Она явно что-то хотела мне сказать, даже открыла рот, показав крепкие чуть желтоватые зубы, но так и замерла. На ее лице разом сменилось с десятком разнообразных выражений, которые, я бы при всем желании, не смог перечислить в правильном порядке. Радушие, недоумение, растерянность?

Оная явно не знала с чего начать, вернее, на каком языке ко мне обратиться. На помощь пришел язык жестов. Женщина положила руку на грудь и громко, по слогам произнесла:

– Ма-ли-ка.

Прекрасно, теперь была моя очередь. Но как ответить, если понятия не имеешь кто ты и как тебя зовут? Мне оставалось только помотать головой и, пробуя затекшие связки, засипеть:

– No name.

В голове роилось множество обрывочных фраз, слов, междометий... Все на разных языках и наречиях, все едва знакомые, непонятные и неродные. Выбрал английский, его я вроде бы знал лучше всего.

Малика удрученно поцокала языком. Было непонятно, она сочувствует моему положению или не можете перевести, что я сказал. Хорошо, хоть не решила, что меня так зовут: «No name».

Женщина поднялась и скрылась в дальнем, темном углу пещеры. Мне было невидно, что она там делает, но через пару минут непродолжительного шуршания, Малика вышла оттуда с аккуратной стопкой одежды цвета хаки, светлого летнего хаки.

Это была моя форма, постиранная и выглаженная, как будто тут где-то завалялась гладильная доска и стиральная машинка.

Женщина махнула формой в мою сторону, мол, твоя, и добавила:

– Израиль.

Видя, что мне это несильно помогло, она похлопала себя по плечам и груди, и красноречиво покачала головой. Ни нашивок, ни погон на форме не было.

Кажется, последняя ниточка к моему прошлому только что оборвалась. Что я, черт возьми, делал один, в пустыне, в форме ЦАХАЛа без опознавательных знаков? Ну хоть с местом определились, это точно Большой Ближний. Решив удостовериться в догадке, я обвел пальцем пещеру и спросил:

– Израиль?

– Ла. Сурийя.

В ответ я смог только выдохнуть нечленораздельный стон. Это, как меня угораздило очнуться в самом опасном месте земного шара? Если сюда доберутся какие-нибудь террористы или другие ребята с автоматами – мы даже мяукнуть не успеем, отрежут голову, выпустят кишки ради смеха, и уже не надо будет ничего вспоминать.

Малика, пытаясь мне помочь, продолжила свою пантомиму. Теперь она указала пальцем на потолок, а потом покачала вытянутой рукой, как крылом.

Мой самолет разбился? Это вряд ли, были бы травмы. Или я летчик, который катапультировался? Но у них форма другая. Специальные костюмы.

– Русия. Спик русия. Израиль русия, – сбивчиво, мешая арабские и английские слова, сказала Малика.

Говорил по-русски? Хм, наверное, и думаю по-русски. В Израиле наших, и, правда, хватает... Но что я забыл в Сирии? Я с мольбой посмотрел на Малику, но она только пожала плечами. Больше ей нечем было помочь.

Вечерело, розоватый свет заката мягко окутывал пустыню, но Адирю было не до этой красоты. Он воровато подглядывал за учителем, прячась за стволом раскидистой смоквы. Нарушив завет, он никак не мог решиться покинуть свое убежище.

– Адир, зачем ты вернулся?

Собственное имя, произнесенное мягко и спокойно, прозвучало для ученика, как гром среди ясного неба. Он вздрогнул и сжался, пытаясь слиться со стволом.

– Адир, я вижу тебя. Зачем ты прячешься, будто познал запретный плод?

Ученик еще немного помялся, но, набравшись смелости, вышел из укрытия и неловко засеменил к учителю. Тот сидел на камне перед потухшим уже костром и деловито шевелил посохом тлеющие угли.

– Говори, зачем пришел?

Адир нервно кусал губы, теребил пальцами ткань своего кетонета, то поднимал глаза, то опускал, встречаясь со строгим взглядом учителя... Он никак не мог подобрать слов, чтобы начать, чтобы признаться в своих сомнениях. Сомнениях, на которые ученик не имел права.

– Простите меня, я вернулся, чтобы быть подле вас, не отсылайте меня обратно, – пробормотал Адир себе под нос, пересчитывая песчинки у своих ступней.

Учитель не отвечал. Только шелестели листья смоквы от легкого ветерка.

Адир рухнул на колени, его душили слезы. Он был самым преданным, самым внимательным учеником, а его прогнали, отослали, не объяснив причин.

– Учитель, я верю: ты – машиах! Ты тот, кого послал нам Господь. Ты, а не он! Зачем отослал меня? Может, хотел понять смогу ли я сердцем почувствовать истину? Я смог, учитель! – раздирая кетонент, обдирая о колючки и камешки колени, Адир пополз и остановился лишь тогда, когда почувствовал запах паленой материи. Это он встал коленями на угли, – Когда ты рядом я верю в спасение, я готов сворачивать горы, мне нет иного пути, кроме пути по твоим следам, Учитель!

– Я не машиах, – их лица были на расстоянии ладони друг от друга, но Адир не чувствовал дыхания учителя. Он смотрел в его глаза и видел в них только черную бездну. Не таким был учитель раньше, что-то случилось с ним после встречи с Иешуа и духом Святым. Будто задули они огонь его жизни. – Ты своими глазами видел, что случилось у Ярдена. Видел свет и сияние. Подле Него теперь твое место, не подле меня, – учитель мягко улыбнулся, но глаза его остались безучастны.

– Он пьет вино и ест мясо! Он шляется по праздникам и свадьбам, и ему явно не достает смирения! – Адир поморщился, не от боли, ее он не чувствовал, от омерзения, которое испытывал к беспокойному и вечно радостному Иешуа.

– Ты слишком строг и к нему, и к себе. Нельзя познать Бога, не познав жизнь. Нельзя стать праведником, не познав греха. Легко спастись от того, что тебе неизвестно. Сложнее встретить опасность лицом к лицу.

– Но ты же ешь только мед и акрид! И я ни разу не видел тебя на празднике пляшущим или пьяным. – Адир злился, он считал себя правым, а оправдания учителя казались ему нелепыми.

– У каждого свой путь. Б-г выбрал Его, и ты должен ему верить. Господь не велел грустить и страдать, – учитель легонько ткнул Адир по посоху в грудь, чтобы тот встал с углей, но ученик не шелохнулся.

– За ним ходят одни лишь жены!

– А ты думал, что машиах пришел только для мужей?

– Но ведь это Ева поддалась искушению! Из-за женщины мы лишились рая!

– Она не кормила праотца яблоком насильно, – улыбка снова тронула губы учителя, и снова в его глазах ничего не отразилось. Он был совсем не здесь, а где-то там, где нет ни буйного ученика, ни углей, ни пустыни...

– Среди его учеников есть даже блудница. Она говорит, что отказалась от ремесла. Но есть ли вера таким, как она? Я не видел ни одной женщины подле тебя! Они приходили – ты не отказывал им в помощи, но никогда не брал в ученики.

– Ты не все знаешь про меня, – очень тихо произнес учитель, и в его глазах впервые за беседу вспыхнул огонек жизни. Вспыхнул и тут же потух. Но Адир считал это признаком лжи. На что еще готов прежде чистый и безгрешный учитель, чтобы оттолкнуть его?

– Не гони меня! Я не вернусь обратно! Ты мой машиах, и я умру за тебя, если потребуются! – закричал ученик, внезапно нарушив вечернюю тишину пустыни. Даже учитель, прежде сохранявший безмятежность, невольно вздрогнул.

– Не нужно за меня умирать, оставь эти мысли, – он недовольно покачал головой, – Лучше живи. За меня, за Него, за себя... За всех нас, – он молитвенно поцеловал ученика в лоб и поднялся. Адир поспешил обнять его ноги, чтобы не дать уйти, но учитель оказался ловчее, и ученик поймал только воздух. Учитель отправился в путь, опираясь на посох, увитый терновой ветвью.

Адир, как заворожённый, смотрел на освещенную солнцем фигуру, стремительно удаляющуюся в пустыню. Он был раздавлен и убит: его оставили. Не по ошибке, не для испытания, а по принятому раз и навсегда решению. Ошибочному решению.

Что делать, куда теперь идти, кому и чему верить?

Учитель уже почти растворился в дрожащем воздухе, когда нерадивый ученик вдруг бросился вдогонку. Он бежал, спотыкаясь и путаясь в своем кетонете. Бежал пока не запнулся о колючки, и не упал в песок.

– Не бросай меня, я не найду дороги обратно! – он плакал, плакал навзрыд, стыдился своего детского плача и рыдал от этого еще сильнее.

Он остался один. Совсем один, посреди пустыни.

Руки, связанные за спиной, затекли – пальцы едва шевелятся. Разбитая скула саднит. Из рассеченной брови кровь стекает в глаз, застилая мир красной пеленой.

Противные мелкие капли колют лицо. Дождь не утихает с вечера – приходится стоять на коленях в грязи раскисшего скотного двора. Мокрый влажный холод пробирает до костей. Зубы стучат, ты дрожишь. Дрожит каждая частичка твоего тела в отчаянной попытке согреться. Но согреться невозможно – с гор дует пронизывающий злой ветер, пресекая все попытки взрастить тепло внутри себя.

Зато от «чеха» идет пар. Он сыт, доволен и горяч. Он провел эту ночь дома, перед печкой, а не в промозглой яме, залитой водой. Рыжебородый, голубоглазый, огромный, как кусок скалы, – настоящий берсерк, а не «чех».

Он мерзенько улыбается, скаля острые желтые зубы, так похожие на волчьи:

– Кяфир, ты знаешь вопрос, ты знаешь ответы. Я не буду повторять. Выбирай, – «чех» гостеприимно разводит руками, мол, бери, что хочешь. Но ты знаешь, что это ложь.

Справа от тебя по грязи расползается алое пятно – оно сочтется из обрубка, который еще несколько минут был твоим напарником.

В ушах все еще звучит тошнотворное хлюпанье – так захлебываются собственной кровью, пока горло перерезает кривой нож. Барашек или человек? Невелика разница.

Напарник выбрал смерть. Он предпочел смерть предательству и бесчестию. Он предпочел смерть жизни.

Что выберешь ты? На что тебе хватит смелости? Сможешь повторить?

– Эй, я добр, у меня хорошее настроение, но я не намерен долго ждать. Что ты решил, кяфир?

И ты закрываешь глаза, и набираешь в грудь побольше воздуха, и кричишь надрывно, чужим тебе голосом:

– Ашхаду алля иляяха илляллах. Уа ашхаду анна Мухаммадар-расуулюллах! Свидетельствую! Нет Бога кроме Аллаха и Мохаммед пророк его! Свидетельствую!

Тебе всего двадцать один. Ты очень хочешь жить. Очень. Хочешь. Жить.

Сволочь.

И падаешь лицом в грязь, и ищешь губами стертые военные ботинки, и целуешь их, и повторяешь – вдруг не расслышали:

– Свидетельствую! Нет Бога кроме Аллаха и Мохаммед пророк его! Свидетельствую! Свидетельствую! Сви-де-тель-ству-ю!

И слышишь этот смех, дикий страшный смех, что резонирует от гор и стенок твоей собственной черепной коробки. . . .

Я проснулся и резко сел на мешке соломы, заменявшем мне кровать. Смех рыжебородого продолжал биться в голове, будто заключенный в своей темнице. Боль была нестерпимой. Она разрывала на части и так изрядно потрепанный, почти вскипятившийся мозг.

Я застонал. Сквозь зубы, пытаюсь не разбудить Малику, пытаюсь справиться самостоятельно. Я очень давно не слышал этот смех, я был уверен, что похоронил его, закопал в самом дальнем уголке подсознания, но нет, он выбрался, как только сопротивление ослабло.

Малика, конечно, проснулась. Ничего не понимая, не зная, чем помочь, она, словно собака, учуяла боль и подбежала ко мне. И я сдался – рухнул головой на ее большую упругую грудь.

Силы покинули меня. Я был еще очень слаб, и ужасно беспомощен. Я презирал себя за такое безвольное и потерянное состояние, но ничего не мог с ним поделать.

Малика могла бы меня оттолкнуть, но не стала. Наоборот, будто повинувшись древнему материнскому инстинкту, лишь сильнее прижала к себе и даже поцеловала в макушку, будто своего младенца.

Она не требовала от меня подвигов, она допускала, что я могу быть слабым, трусливым, разбитым, больным. Отогреть, отлюбить, отпустить – как отпускают подлеченного ворона с перебитым крылом. Вот, что было в ее объятиях.

Ее тело пахло молоком и медом, и еще чем-то родным и нестерпимо домашним. . . Меня влекло это тело, этот запах. И я не захотел им сопротивляться.

Мои пальцы смяли и задрали подол ее балахона. Под грубой тканью ничего не было. Ничего кроме гладкой, умащенной маслом кожи, по которой было так приятно скользить руками. . . .

Малика не сопротивлялась. Привычная к насилию, уставшая от одиночества – она поддавалась. Не прекословя, не пытаясь оттолкнуть, но будто отстраняясь, давая понять, что лишь уступает мне.

Делала она это из жалости или по привычке к покорности? Или, может, просто играла со мной? Мне было плевать.

Мне было холодно и страшно. Хотелось согреться и спрятаться. Хотелось вернуть себе покой и сон. Для этого сгодились бы любая, но по близости оказалась только одна Малика.

Что ж, она должна была понимать, чем все закончится, когда подобрала меня в пустыне.

Длинная вереница людей тянулась от пологого берега Ярдена до холмика, на котором стоял Маннэи в окружении своих солдат. Бесконечный людской поток, струящийся под ним, напоминал главному стражнику райского змия – тот же недобрый покой застывшего движения.

Он прекрасно понимал, что смиренные страждущие мгновенно обратятся в разъяренных волков, почуявших кровь, если кто-то посмеет хотя бы прикоснуться к их пророку со злым намерением. А значит, нужно было ждать, и ожидание это томило и мучало Маннэи не хуже жары.

Солнце медленно пятилось к западу, погода портилась. Из Башана задул неприятный ветер. Он так и норовил распахнуть плащи Маннэи и его сподручных, дабы показать всем оружие и доспехи, спрятанные под тканью.

Главному стражнику оставалось только беззвучно ругаться и беспрестанно поправлять складки своего одеяния. Он проклинал на чем свет стоит глупого царя, отправившего его за Йохананом в такой час.

Маннэи давно наблюдал за новым пророком, и Йоханан нравился главному стражнику. Он не призывал к бунту, не обещал золотых гор, никого не хулил, никого не хвалил. Йоханан лишь утешал и успокаивал людей, готовых заподозрить машиаха в каждом, кто смел назвать себя таковым.

Нехорошие, беспокойные времена пришли на Землю Обетованную. Б-г снова послал испытания избранному народу. Испытания не телесные, но духовные. И никто не помогал иудеям справляться с душевными муками лучше, чем Йоханан.

Маннэи не верил, что этот тихий, будто пронизанный Божественным светом человек, называл Иродиаду блудницей и призывал народ растерзать ее. В нем не было ни ненависти, ни осуждения, в нем были только тепло и любовь. Подданные Ирода ненавидели его надменную жену, презревшую все обычаи и законы, и чтили и слушали Йоханана. Вот, и приписали ему свои собственные слова.

Но Ирод поверил в вину пророка и счел его опасным бунтовщиком, задумавшим поднять восстание. Сам тетрарх до такого додуматься не мог. Маннэи не сомневался: это царица умело распяляла спящие страхи Ирода.

Иродиада так хотела сделать из слабого и неловкого Антипы великого царя, что была готова на любые интриги. Она, словно большая черная паучиха, опутала сетями и Перею, и Галилею – прибрала к рукам все ниточки управления государством. Подданные Ирода уже давно знали, кто на самом деле правит ими.

Но жена тетрарха, будто не чувствовала, что делает все, чтобы однажды оказаться растерзанной толпой. Вот, и теперь Иродиада похоже думала, что, заточив в темницу и сгноив там пророка, обожаемого народом, Ирод покажет свою силу и власть. А если поднимется бунт, то его подавят римляне, не терпящие недовольства.

Царица ошибалась. Очень жестоко ошибалась!

Маннэи знал латинян и знал, что они не станут вмешиваться в местные распри. Да и разгневанный народ вряд ли обратит свой гнев против Пилата и его войск, ведь не их руки будут запятнаны кровью.

Был бы главный стражник волен сам принимать решения, он бы и пальцем не тронул пророка, а если б и отправился по его душу, то точно не в это время и не в этом месте. Но такой воли, к счастью или к сожалению, у Маннэи не было. А за долгие годы успешной службы он твердо усвоил одну непреложную истину – не нужно спорить с теми, кто может тебе приказывать. Это бесполезно, и ни к чему хорошему не приведет.

– Адон Маннэи, солдаты волнуются, люди недобро смотрят на нас. Давайте уйдем, – обратился к своему начальнику один из стражников.

– Мы не можем уйти. Мы должны сегодня привести Йоханана во дворец, – он тяжело вздохнул, и стражник, молча кивнув, вернулся к остальным.

В маленьком отряде зашептались: никто не хотел стоять на холме до утра, а вряд ли стоило надеяться, что народ, пришедший к пророку, разойдется раньше.

Маннэи смотрел на своих сподручных и понимал, что придется делать нелегкий выбор между неисполнением приказа и их недовольством, которое могло быть не менее опасным, чем гнев Ирода. Тем более, что даже стражники любили Йоханана, и каждый был бы только рад дать ему возможность спастись...

Маннэи тщательно взвешивал в своей голове все «за» и «против». Чаша весов настойчиво склонялась в пользу пророка. Он уже почти решился пойти против Ирода, но Б-г распорядился иначе.

Внезапно по веренице страждущих пронесся ропот, будто ветер зашелестел людьми, словно тростником у Ярдена. И все собравшиеся расступились, открывая дорогу главному стражнику и его подручным. Маннэи дрогнул и невольно попятился назад – он не понимал, чего хочет толпа, и побаивался ее.

Но толпа ничего не хотела, она лишь повиновалась тому, кого любила и уважала. Опираясь на посох, к главному стражнику шел Йоханан. Люди почтительно уступали ему дорогу и склоняли головы перед ним, но он никому не отвечал на поклон. Казалось, что он и видел-то лишь тех, кто ждал его на холме.

– Маннэи! Твои стражники устали, зачем ты мучаешь их? – Йоханан улыбнулся, и от его улыбки главному стражнику стало не по себе. Маннэи, увидев совсем близкого того, о ком говорил весь Йерушалаим, был изумлен его тихому смирению и могучей силе, таившейся в истощенном теле пророка. Казалось, что он может одним только взглядом испепелить всех стражников, но не делает этого, потому что добр и великодушен, и потому что принял решение отдать себя на заклатие, словно жертвенного барашка.

Маннэи хотелось упасть перед Йохананом на колени и благоговейно поцеловать край его верблюжьих одежд. Сделать все, чтобы вымолить прощение и спастись от страшного греха, к которому толкал его царь.

Схватить Пророка с сияющим ликом? Стать проклинаемым палачом? Нет, не такой судьбы желал для себя главный стражник, когда шел служить на благо земли обетованной.

Не стал ли он послушным орудием в руках нечестивого правителя? Не пора ли бросить пост и перейти на сторону народа? Что еще взбредет в голову самодурам из Иродового дворца? Того и гляди – они распнут Б-га, если тому не посчастливится оказаться на их земле.

– Маннэи! Вот мои руки, где твои кандалы? Я готов пойти в любую темницу и принять любые испытания. Я не бегу и не скрываюсь. Пусть Ирод делает со мной все, что ему будет угодно.

Едва расслышав слова Йоханана, преданные пророку люди зашумели, зашевелились и стеной двинулись на Маннэи. Главному стражнику показалось, что на него надвигается шарав, и он уже открыл рот, чтобы вскрикнуть: «Я с вами! Я отказываюсь от царя, я с вами!»

Но Йоханан не дал Маннэи стать предателем. Он вскинул руку, призывая к молчанию, и толпа остановилась, как вкопанная:

– Вы не тронетесь с места. Стойте, где стоите и не мешайте исполниться предначертанному! – строго и жестко сказал Йоханан тем, кто его благодетельствовал, и тут же смягчив и голос, и взор, ласково обратился к главному стражнику. – Веди меня, Маннэи! Мое время пришло. Я заждался, – он отбросил посох в сторону и протянул руки открытыми ладонями вверх. Маннэи едва заметно кивнул одному из своих сподручных, и этот стражник затянул петлю на запястьях пророка.

Воем раненого зверя огласились берега Ярдена – то выли иудеи, снова лишенные надежды.

Малика уже успела одеться и повязать платок. Она сидела на пятках и смотрела на меня. Смотрела тем теплым и светящимся взглядом, которым смотрят на своих младенцев ренессансные мадонны.

Я где-то читал, что художникам для этих картин частенько позировали проститутки. Наверное, они вот так же просыпались, наталкивались на этот чарующий взгляд и тут же хватились за кисти и краски...

Если я и был чем-то перед ней виноват – она меня простила. Женщины всегда прощают, если есть повод. А повод был. Да и куда бы мы не делись друг от друга – одни, посреди пустыни.

Мне захотелось что-то ей сказать, но на каком языке? Я протянул руку и коснулся ее лица, а она прильнула к моей ладони, как кошка, ищущая ласки.

Малика прикрыла глаза, по ее лицу растеклась блаженная улыбка – она почти таяла, и казалась совершенно счастливой.

Щель между коврами посветлела, значит, снаружи уже рассвело. Я чувствовал себя почти здоровым, сил будто бы прибавилось. Может, попробовать выйти из пещеры на свет Божий?

Малика заметила, что я отвлекся, и легонько тронула за плечо.

– Прогуляемся? – я приподнялся на локтях, все мышцы мучительно заныли то ли от вчерашней перегрузки, то ли от долгого лежания. Придется просить о помощи.

Я махнул рукой в направлении выхода, а потом показал пальцем на нее и на себя:

– Go. You and me? OK? – Малика повторила все жесты за мной, видимо, пытается понять, о чем речь. Это было похоже на разговор двух шимпанзе, которых научили языку глухонемых, но они еще не поняли, как его использовать.

Я сел и попытался встать, но ноги не слушались, и я чуть не рухнул прямо на нее. К счастью, Малика наконец-то сообразила, что требуется и вовремя подхватила меня.

Так мы и побрели к выходу. До него было каких-то пару шагов, только эти шаги оказались трудно преодолимым препятствием. Малика почти волокла меня на себе, и я даже думал оставить эту затею с прогулкой, но не захотелось признаваться женщине в своей слабости.

После полумрака пещеры желанный свет ослеплял, и я долго стоял зажмурившись, не решаясь открыть все еще болевшие глаза. Была и еще одна причина, как щенок, только что выбравшийся из коробки, я испытывал смешенное чувство страха и любопытства. А вдруг Малика живет не отшельником, и вокруг меня мирно спящая стоянка бедуинов или вообще небольшое поселение? Общаться с людьми и налаживать социальные контакты? Спасибо, увольте. Нет ни настроения, ни сил, ни желания...

А вдруг у нее есть брат или отец, или дядя, или старшая сестра? Тогда придется объясняться с ними, извиняться, что-то доказывать... Ведь за вчерашнее местные вполне могут раскроить мне череп и, наверное, будут правы.

Но к счастью, мои представления не оправдались. Когда я все же решился взглянуть в лицо окружающему миру, перед моими глазами предстало пустынное ущелье, со всех сторон

окруженное красными останцами. Этакая местная Петра – даже изнутри не было понятно, где здесь вход.

Убедившись, что со мной все в порядке, Малика помогла мне сесть на некое подобие каменной скамьи, примостившееся у пещеры. Ей нужно было заниматься своими делами, а дел, судя по всему, было не мало – вдалеке флегматично пощипывал колючки вздохмаченный линяющий верблюд. Компанию ему составляли две коричневые лопухие козы и несколько упитанных рябеньких куриц.

По всему ущелью черными дырами зияли пещеры. Некоторые ютились совсем высоко, а некоторые, вроде нашей, врезались в самое подножие останцев. То тут, то там колюче ошети-нивались руины странных башенок, сложенных из саманного кирпича. Наверное, здесь когда-то жили люди, может, монахи, или поклонники древнего культа... Но их следы давно остыли, и вряд ли Малика могла что-то знать о том, чем было это место лет сто или пятьсот назад.

Солнце еще не показалось над острыми вершинами останцев, но его лучи уже раскрасили небо розоватыми мазками, и мягкий золотистый свет залил ущелье. Меня пригрело и разморило, такое утро обещало жаркий полдень, но сейчас было просто чудесно, и я невольно задумался, а зачем?

Зачем мне пытаться все вспомнить? Что-то подсказывало: там, в прошлой жизни, в жизни до солнечного удара нет ничего, о чем стоило бы переживать или беспокоиться, ничего к чему хотелось бы вернуться. За неровной линией красных останцев меня точно никто не ждет, а даже если ждал – уже давно забыл и смирился. Похоронил, закопал и засеял быльем.

Так почему бы не остаться здесь? С козами, верблюдом и Маликой? Выучить арабский, освоиться с наукой пустынной жизни, заделаться бедуином? Это ущелье отличное место, чтобы осесть и остепениться. Никого, наверняка, на десятки километров вокруг, да и война сюда, очевидно, не добралась и не доберется. Настоящий райский оазис посреди окружающего ужаса.

Надо будет как-нибудь поинтересоваться у Малики, как ей такой поворот. Но вряд ли она будет против. С мужиком в таких диких местах явно легче и спокойнее, и приятнее, в конце концов. Да, придется долечить, поставить на ноги, научить всем премудростям. Но ведь все лучше, чем одной?

Улыбнувшись собственным мыслям, я посмотрел на Малику – она отчаянно боролась с упрямым верблюдом, не желавшим покидать свою скромную поляну. Он злобно ревел, упирался в землю всеми четырьмя лапами, поднимал пыль вокруг себя – возмущался, как мог.

Но Малика не выглядела обескураженной или беспомощной, она терпеливо переламывала волю упрямого животного, умело перебирая поводьями. И верблюд вынужден был сдаться – он сначала сдвинулся с места, а потом и вовсе пошел за хозяйкой, недовольно мотая головой и нехотя перебирая ногами.

Малика явно не нуждалась ни в чьей помощи, особенно в моей. Это я от нее зависел, а сам был лишь очередной строчкой в ее «так предначертано».

Иродиада с наслаждением опустилась в горячую молочную ванну. Ее тело с благодарностью отозвалось на прикосновение воздушной пены – груз забот соскользнул с плеч царицы. Вдохнув божественные ароматы нарда и оперкулума, Иродиада погрузилась в молоко с головой. Тишина и покой – вот, чего она желала больше всего на свете...

– Госпожа, простите, – голос рабыни вынудил царицу вынырнуть из белого плена, – к вам пришел тот человек...

Иродиада поморщилась, будто по ней проползла мокрица. Она совсем не хотела сейчас встречаться с «тем человеком». Ей было так хорошо и спокойно, а он всегда приносил одни волнения и тревоги.

– Пропусти, – болезненно выдавила из себя царица, – и подай мне одежду.

Рабыня низко поклонилась и, пятась, удалилась за гостем.

Иродиада оперлась на руку, протянутую ее любимой служанкой, нубийкой Оливией, и выбралась из бассейна. Белые капли молока мягко скользили по ее груди, животу и бедрам, красиво очерчивая роскошные изгибы тела. Иродиада невольно залюбовалась собственным телом, а она еще очень хороша! Очень!

– Вы так красивы, – прошептала нубийка, облачая Иродиаду в тонкую тунику и бело-снежную столу, расшитую золотом.

Услышав слова любимицы, царица снисходительно улыbnулась. Оливия поклонялась ей, словно божеству. Жаль, что лишь она одна...

Служанка дрожащими руками затянула в золотую сетку волосы госпожи и надела на ее шею ожерелье из широких золотых пластин. Иродиада манерно коснулась украшения, будто проверяя, правда ли оно на ней, и жестом велела принести зеркало.

Оливия поспешила исполнить приказ и чуть не растянулась на полу, споткнувшись о выпавший из мозаики камешек. Царица благосклонно подавила вырвавшийся было смешок. Она давно заметила, что нубийка смотрит на нее, как на божество. И это не могло не льстить ей.

Полюбоваться на свое отражение царице не пришлось – рабыня, ушедшая за «тем человеком», быстро вернулась. Постучавшись и получив разрешение, она впустила в баню бродягу, укутанного в тряпье по самые глаза.

Царица властно махнула рукой, и служанки, разом присев в поклоне, оставили ее наедине с бродягой. Они привыкли не задавать вопросов и держать язык за зубами, Иродиада умела наказывать непонятливых.

Царица и «тот человек» стояли на разных концах бассейна, наполненного молоком, и никто из них не решался пойти навстречу. Они смотрели друг на друга и молчали. Наконец, Иродиада сдалась, и, тяжело вздохнув, пошла вдоль бортика к своему гостю. Он продолжал стоять, не шелохнувшись.

– Зачем ты пришел? – спросила Иродиада, вплотную приблизившись к «тому человеку».

– Ты знаешь зачем, – спокойно ответил он. Конечно, царица знала, знала, зачем он здесь. Но ей хотелось надеяться, что причина была иной. – Он слишком долго сидит в дворцовой темнице. Он задержался, ему давно пора вернуться, – произнес «тот человек» почти беззвучно.

– Люди меня не простят...

– Ты не должна думать об этом.

– Они и так зовут меня продажной девкой, а теперь я стану убийцей! Я не хочу! – прошипела царица прямо в лицо своему гостю.

– Неважно, что хочешь ты, важно, что хочет Б-г...

– А откуда мне знать, что хочет Б-г? Откуда мне знать, что ты говоришь Его устами? – гневные жилки вздулись на висках Иродиады, а ее прекрасное лицо покрылось красными пятнами.

– Ты не можешь этого знать. Ты должна в это верить.

– Я много лет делаю то, что ты хочешь! Но что получаю взамен? – не унималась она.

– Б-г вознаграждает тебя за все твои старания. Твой муж любит тебя, ты богата, красива, здорова... В твоих руках такая власть, которой никогда не было и не будет ни у одной женщины в этом грешном мире. Чего еще тебе желать? – спокойно произнес гость. Гнев царицы его мало беспокоил.

– Я хочу покоя! Покоя! – голос Иродиады сорвался в неприличный визг.

– Будет тебе покой, только выполни последнюю Его просьбу.

– Антипа боится, что люди разорвут нас на части... – царица постаралась вернуть себе самообладание.

– Префект защитит вас.

– Но я ничего не решаю...

– Не прибедряйся, госпожа. Все знают, в чьих руках власть, – в голосе гостя послышалась улыбка.

– Хорошо, я сделаю все, о чем ты просишь. Но это будет твоя последняя просьба, – острый указательный палец Иродиады увяз в лохмотьях на груди «того человека». Он в ответ лишь слегка склонил голову и вышел прочь.

Оставшись одна, Иродиада тяжело опустилась на мраморную скамью. Сколько раз она чувствовала себя игрушкой, в руках судьбы? Сколько раз делала то, о чем просили, не спрашивая зачем? Сколько раз подчинялась воле этого странного человека, всегда находившего дорогу к ней? И к чему это привело? Она несчастна, одинока, ненавидима и презираема. Где же благодарность за посредничество в божественных делах?

– Оливия! – крикнула Иродиада. Служанка тут же возникла перед своей госпожой, словно всегда стояла рядом.

– Сообщи тетрарху, что я приду к нему сегодня вечером. Ты подготовишь меня.

Не знаю подцепил ли я, выйдя из пещеры, какую-то инфекцию или меня догнал запоздавший ожоговый кризис, но после прогулки я снова слег. Провалился в жару и бреде и ночь, и следующий день.

Малика суетилась вокруг меня, прикладывала компрессы, раскрывала, накрывала, переодевала, когда очередной балахон промокал насквозь от пота. Я то и дело чувствовал на своем лице и теле ее мягкие, теплые руки, ее дыхание, ее присутствие, такое необходимое... И вдруг что-то изменилось.

Я понял это не сразу, ноющие мышцы, дрожь, пришедшая на смену жару, перемешавшиеся в голове мысли – сильно отвлекали мое внимание от того, что происходило вокруг. Но когда болезнь немного отступила, я четко осознал, что остался один. Совсем один. Малики рядом не было.

Сначала я успокаивал себя тем, что она просто ненадолго отлучилась – покормить верблюда или кур или по каким-то еще делам. Но время шло, а Малика не возвращалась.

Липкий страх разливался по моему телу, заполняя клетку за клеткой, сосуд за сосудом. Словно паучий яд, он растворял меня изнутри.

Дело было даже не в самой Малике, а в том, что она единственная на всей планете знала, где я нахожусь. А ведь с ней могло случиться все, что угодно, тем более здесь, в Сирии. Ее могли убить, украсть, она сама могла споткнуться и подвернуть ногу, попасть в зыбучие пески или свалиться в какую-нибудь расщелину. И все – без нее у меня не будет ни единого шанса выжить.

Если она не вернется, я, наверное, смогу собраться с силами и выбраться наружу, но что делать дальше? Куда идти? Как снова не рухнуть с очередным ударом в очередном бархане? Есть ли у меня хоть какие-то шансы выкарабкаться без нее?

Время тянулось, щель между коврами совсем почернела. Значит, наступила ночь, значит, Малики не было уже целый день.

Адреналин и желание жить делали свое дело. Сознание мое окончательно прояснилось, и я даже стал разминаться, разгоняя кровь в затекших конечностях. Страх отступил, включился разум и внутренние резервы. Надо было отсюда выбираться.

Я попробовал встать, но слегка приподнявшись, замер – снаружи послышались голоса. Двое разговаривали на незнакомом языке и явно на повышенных тонах. До меня долетали громкие выкрики и обрывки слов из местных идиоматических выражений.

В одной из говоривших, я, кажется, узнал Малику, или хотел узнать? Вторым собеседником вроде тоже была женщина, более хладнокровная, уверенная и жесткая.

Вскоре голоса, приблизившись вплотную к пещере, смолкли, и я смог проверить свои подозрения – откинув ковер, ко мне вошла незнакомка.

В полумраке разглядеть ее было сложно, но я успел заметить нечто похожее на военную форму: рубашка-сафари с закатанными рукавами, брюки с большими карманами, грубые берцы – все в том же цвете «пустынного» хаки, что и одеяние, в котором меня нашла Малика. Но ее одежда явно не была официальной, просто удобный костюм для здешних мест, только пробкового шлема не хватало. Правда, на поясе красовалась небольшая и явно не пустая кобура, что несколько осложняло ситуацию.

Женщина быстро подошла ко мне и нависла над постелью. Ее ярко-зеленые глаза, похожие на лампочки электронного прибора, безо всякого стеснения принялись сканировать мое лицо. Сканировать, будто я был подозрительным предметом, а не человеком.

Резкая, геометричная, угловатая – незнакомка походила ни то на робота, ни то на хорошо выдрессированного работника спецслужб. Тонкий нос с небольшой семитской горбинкой, остро вычерченные скулы, упрямый выпирающий подбородок, который так и хотелось ухватить двумя пальцами – ее лицо будто высекли из камня. Ни эмоций, ни мимики. Непроницаемость, которой позавидовал бы терминатор. Даже стянутые в пучок медные волосы, жесткие, волнистые, блестящие, больше походили на хорошо уложенную проволоку, чем на человеческую прическу.

В ней вообще не было ничего человеческого, тем более женского. Если Малика радовала глаз плавными округлостями, то у этой фигура была скорее мальчишеская – такие только для подиума годятся, не для любви.

Может, ко мне вообще пришел киборг? Кто знает, сколько времени я был в отключке, если не сейчас, то тогда, после удара?

Закончив осмотр, и, видимо, не найдя ни на мне, ни во мне ничего существенного, она четко и громко выпалила по-русски:

– Имя, фамилия, звание, номер части.

Оставив техническую паузу для моего ответа, и так и не дождавшись его, незнакомка повторила ту же самую фразу сначала на английском, а потом еще на двух неизвестных мне языках. По звучанию они походили на арабский и иврит.

Я почувствовал себя партизаном на допросе в Гестапо. Что ей обо мне сказала Малика? Она знает, что я ничего не помню? Проверяет?

– Я не помню, правда, не помню.

– А что ты помнишь?

– Про ренессанс помню, про терминатора, знаю, что эта штука называется «мирхаб»... – я ткнул пальцем в сторону домашнего алтаря Малики.

– Это не михраб, но неважно.

– В общем, всякую ерунду помню. Еще как шел по пустыне... Кто я и как меня зовут – нет.

– Почему я должна тебе верить?

– А почему нет? – что-то мне подсказывало – шутить с этой женщиной не стоит, но как еще я мог ответить?

Она посчитала вопрос риторическим и молча нахмурила брови, собрав на переносице внушительную складку. Тогда я решил перейти в атаку, раз это лучшая защита:

– Ты вот тоже налетела, не представившись, с какой стати я должен тебе отвечать, женщина? – я знал, что такое обращение киборга непременно заденет. Так и вышло – на висках незнакомки заходили гневные желваки.

– Хорошо, меня зовут Шломит Шнайдер, это что-то меняет? – процедила она сквозь зубы.

– Ничего, твое имя мне ни о чем не говорит. Полагаю на этом наше знакомство можно и закончить, – я отчаянно старался выглядеть наглым и нахальным, но подозревал, что мое серое лицо в ожоговых струпьях портило все дело.

– Можно и закончить, – зеленые глаза лукаво сверкнули, обещая недоброе. Я приготовился к неприятностям, но Шломит превзошла все мои ожидания. Ехидно улыбнувшись, она схватила меня за шкирку и потащила к выходу.

У нее оказались удивительно сильные и почему-то очень холодные пальцы. Я упирался, как мог, но ничего не выходило. Неужели я настолько отощал, что со мной легко может справиться даже такая слабенькая с виду баба? Это было ужасно унижительно.

Шломит вытащила меня на улицу, ободрав мою спину о камни, хорошо, что хоть к хвосту лошади не привязала, и на том спасибо.

Увидев, эту сцену Малика, а второй голос принадлежал все же ей, рванула было ко мне, но не добежала – Шломит остановила ее властным жестом.

Щелчок – расстегнулась кобура, еще один – снят предохранитель, на третий – она вышибет мне мозги, если захочет. Но, наставив пистолет, Шломит почему-то остановилась. Наверное, нечасто госпоже Шнайдер приходилось стрелять в живых людей.

Пока она думала и нервничала, я любовался сверкающим звездным небом, когда еще предвидится такая возможность? Небо было удивительно высоким и чистым, казалось, что сквозь него можно разглядеть даже космос.

Но этой ночью сверкали не только звезды. Краем глаза я вдруг заметил, как что-то, поймав свет луны, сверкнуло и в останцах...

Этот блеск, словно спусковой крючок, запустил в моей голове четкий алгоритм. Я действовал быстро, по заученной до автоматизма схеме: вытянул руку и, схватив Шломит за ногу – дернул на себя.

«Только бы не разбила голову!» – мелькнула шальная мысль, и почему я так беспокоился о женщине, которая хотела меня убить?

Грохнуло два выстрела. Пуля Шломит взмыла ввысь и ухнула в песок рядом с нами. Пуля снайпера вошла в землю где-то позади нас, взметнув пыльный фонтанчик.

Мы лежали втроем на земле, Малика тоже успела сориентироваться и упасть. Лежали, не шевелясь, напряженно вслушиваясь в ночную тишину.

Первой ее нарушала Шломит. Она вскрикнула и тут же замолкла – те, кто пришел за нами оказались ловчее нас...

Я нервно сглотнул и максимально запрокинул голову, чтобы увидеть, что произошло. Но увидел только рыжего бородача в военном кепи. Он улыбался.

Иехуда очень устал, он чувствовал себя пустым и гулким, словно сосуд, из которого вылили масло. Беседы с царицей всегда давались ему нелегко, она была самой строптивой и самой слабой из всех его подопечных.

За каменным образом коварной и жестокой Иродиады – скрывалась мягкая и напуганная женщина, чьим единственным желанием был покой, а вовсе не власть и слава. Если бы не Б-г, и его планы на нее, Иродиада никогда бы не преступила порог Антиповых покоев...

Иехуда возвращался домой, всем телом налегая на дубовый посох, с которым никогда не расставался. Он спешил оказаться в своей уединенной хижине, на окраине Йерусалаима, желая поскорее свернуться калачиком на земляном полу и забыться глубоким сном.

Но его мечтам не суждено было сбыться. На огромном валуне, что Иехуда сам привалил к давно засохшей смокве, сидел Иешуа. Еще один его беспокойный ученик.

Сгорбившись, ссутулившись, сомкнув руки в замок, так что проступили вены, Иешуа рассеяно болтал в воздухе босыми грязными ногами. Он так делал и раньше, еще будучи отроком, и Иехуда все гадал, когда же его ученик сможет твердо опереться на землю?

Так и не смог...

Иешуа выглядел потерянным. Не таким он должен был быть после случившегося прошлым утром на Ярдене... Что еще ему нужно, чтобы обрести себя?

– Зачем ты пришел?! Ты должен быть в пустыне! Там тебя ждет твоя судьба и дорога!

– Откуда ты знаешь это, учитель? – Иешуа недоверчиво покосился на Иехуду. – Откуда мне знать, что ты не ошибся?

– Йосеф, что воспитывал тебя и привел ко мне, рассказал историю твоего рождения. И ты знаешь ее лучше меня.

– Йосеф безумен... А мать всегда говорила иное.

– Ты же сам был на Ярдене! Ты видел свет и голубя, и говорил малахом, что был послан, дабы расчистить дорогу пред тобой! Или ты ослеп и оглох?! – Иехуда злился. Отрок вырос, ему пора было начать жить самостоятельно, но Иешуа все еще отчаянно цеплялся за кетонет своего учителя.

– А если мне слышалось? А если глас, что назвал меня «Сыном Б-жым», раздался только в моей голове?

– И в моей? И в головах всех тех, кто пришел к малаху, прозванного Га-Матбилем? И ученикам, что пошли вслед за тобой, Иешуа? Нам всем лишь почудилось?! – Иехуда разочаровано всплеснул руками.

– Что это за ученики! Двое пошли за мной только потому, что так велел Га-Матбиль, которому они верили. И то, Адир презирает меня и каждый день навевается в темницу к своему истинному учителю. Брат его, Шимон, тот и вовсе ждет, что встанет во главе войска машиаха, чтобы изгнать латинян и разрушить дворцы! Как мне сказать им, что я пришел для другого? Да и знаю ли я сам, для чего?! – Иешуа перешел на вопль, почти визг. У него вырвалось то, зачем он пришел к Иехуде, на самом деле. И услышав свои собственные слова, он испуганно замолк.

– А другие? – Иехуда смягчился. В конце концов, это он с детства говорил с Б-гом, учился понимать и различать Его голос. Что требовать от Иешуа, вступившего на этот путь лишь восемнадцать лет назад? Не такой уж и долгий срок для постижения божественных истин.

– Что другие? Ученики? Два брата рыбака, друзья прежних: вспыльчивый громила и восторженный безусый юнец. Пастух, из той же деревни, что потерял весь деревенский скот, и был изгнан. Друг его, Натаниэль, сын грека и иудейки. Плотник, прозванный Близнецом, за то, что и правда был близнецом, да задушил своего брата еще в утробе. Бывший сборщик податей, мечтающий замоливать грехи, и два его младших брата, последовавших за ним... Ах, да, есть еще другой Шимон. Все говорят: его прислали канаим, чтобы следить за мною...

– Вот, видишь, стали бы канаим следить за тобой, будь ты не тот, кто есть? – Иехуда пытался подобрать слова, чтобы разбудить льва в сердце ученика. – Они знают, что люди пойдут за тобой, потому что ты истинный машиах! И у них не станет дураков, готовых пролить свою и чужую кровь ради пустых надежд!

– А за что я пролью свою кровь, Учитель? Разве моя надежда не пуста? Разве людям нужно такое спасение? Они жаждут иного, и канами дают им желаемое. Или хотя бы обещают это. – Иешуа удрученно покачал головой.

– Ты трусишь. Тебе не хватает мужества принять свою судьбу. В этом дело? – сколько можно быть большим ребенком... Почему он не взрослеет и не обретет силу?

– Ты зря меня обвиняешь, я готов на жертву. Но примет ли ее Б-г? Это моя плоть и кровь, моя жизнь, что я люблю. Стоит ли пить до дна чашу, если она пуста?

И почему Б-г выбрал Иешуа? Иешуа, что так любит людей и праздники. Что расцветает в обществе хорошеньких женщин. Что ласков к каждой птичке на дереве, к каждой рыбке в реке... Кругом его друзья, весь мир принадлежит ему...

О, если бы Иехуда сам мог взойти на крест! Аскет, пустынный, отшельник, привычный слышать лишь Б-жий глас. Он бы хоть сейчас сдался в руки тех, кто считал его мехашефом. Пусть бы побили его камнями во славу Г-сподню! Но нет, он должен уговаривать этого юнца. Тридцатилетнего юнца.

– Мои ученики – простые люди, они следуют то за одним пророком, то за другим. Кто пообещает больше – того, они и изберут в машиахи. Что для них Царствие Небесное в сравнении с иродовыми сокровищами и латинской казной? Вот если бы ты пошел с нами. Мне было бы легче...

– Иешуа, ты знаешь, что я должен сделать. Узнав обо мне, они могут прознать и про мое дело, а, значит – помешать ему. Нет, Иешуа, ты должен идти один.

– Если Б-г говорит с тобой, если ты знаешь, что это Б-г, то чего ты боишься? Пророчество будет исполнено так или иначе!

Иешуа его поймал. Теперь он трусил. Как выти к людям, если всю жизнь прячешься от них? Что сказать другим, если прежде общался лишь с учениками? Как найти общий язык с теми, кто равен тебе?

Иехуда смотрел сквозь своего ученика, пытаясь разглядеть подсказку в жарком дрожащем воздухе. Но на этот раз Б-г молчал, предоставляя им право решить все самим.

– Хорошо. Я пойду в твои ученики и буду помогать тебе. Но прежде, сорви плод с этой смоквы, – грязный, заскорузлый палец Иехуды указал на давно засохший и расщепившийся ствол дерева. – Она засохла, как только ты переступил порог этой хижины. Я давно хотел ее срубить, но чувствовал, что время еще не пришло. Ее судьба – в твоих руках.

– Ты, верно, безумен, как и мой отец!

– Твой отец – Б-г! – Иехуда метал в ученика гром и молнии.

– Вот как? Тогда пусть мой Отец, если есть на то его воля, возьмет и сбросит тебе с неба свежую фигу. А я простой человек, и могу лишь помочь тебе ее свалить! – разозлившись на учителя, Иешуа соскочил с камня и, положив руки на ствол, навалился на него всем телом.

Но хрупкая с виду смоковница не поддавалась. Напротив, казалось, что чем больше старается ученик, тем крепче становится дерево.

Иехуда все ждал, когда разверзнутся небеса и их всех испепелит б-жественный огонь. Но вместо этого увидел, что концы засохших веток, вдруг потемнели, будто налившись соком. От рук навалившегося на смоковницу Иешуа, по ней разбегались потоки жизненных сил.

Наполнившись соками, дерево выпустило первые клейкие липкие листочки. Они тут же принялись разворачиваться и раскрываться, подставляясь солнцу. Иехуде даже казалось, что он слышит шум, издаваемый ими.

За листьями последовали зеленые тугие плоды, облепившие ствол. Появились осы, что всегда выются вокруг смокв. Плоды стали набухать, краснеть. Им уже тяжело было держаться на стволе, и один, слегка качнувшись упал, в подставленные руки Иехуды.

Он разломил фигу пополам и протянул одну половинку Иешуа. Но тот и не заметил этого. Он стоял, открыв рот и запрокинув голову, пытаясь разглядеть кончик кроны смоковницы, что устремился к небу. Может, он уперся в самое Царство Небесное?

– Теперь ты веришь? – улыбнулся Иехуда, надкусив сочную сладкую фигу.

Напали на нас очень странные люди. Я даже названия для них подходящего не придумал. Было ясно, что это точно не правительственные силы. Уж слишком разношерстная компания: парочка арабов с землистыми, запыленными лицами; лысый скуластый азиат с коротенькой черной бородкой, то ли узбек, то ли туркмен; закутанный в лохматый спецкостюм снайпер, и Рыжебородый с двумя приближенными, такими же рыжими, сосредоточенными и молчаливыми.

Выглядели они все потрепанными и уставшими, форма военная – но с миру по нитке. Что-то натовское, что-то местное, у Рыжебородого, который явно командовал – брюки вообще были чуть ли не советского образца, может, с девяностых. И все драное, грязное, кое-как залапанное...

Чувствовалось, что мы их последняя надежда, но на что? Может, я чего-то не знаю, и у Малики в закромах припасен мешочек с золотом и бриллиантами? Они явно не случайно на нас наткнулись, последние силы собрали для нападения.

На бандитов или террористов они тоже мало походили – чувствовалась боевая слаженность и нехарактерная для бормалеев дисциплинированность. Рыжебородого все слушались беспрекословно, оружие держали в чистоте и наготове – у каждого блестящий на солнце «калаш».

Даже нас никто и пальцем не тронул – только руки стянули за спиной, невесть откуда взявшимися пластиковыми наручниками. Правда, Шломит досталось, она единственная вдруг решила сопротивляться.

Пистолет-то у нее сразу отобрали и нож из берца вытянули, но она как-то изловчилась въехать «узбеку» ногой в челюсть. Попало ему по касательной, только кожу чуть выше бороды содрало. «Узбек» выругался сквозь зубы, да и въехал жилистым волосатым кулаком Шломит в глаз. Хорошо въехал – глаз быстро заплыл и перестал светиться зеленым электродным огнем. Один перестал, а второй остался – чисто лихо одноглазое.

У меня сопротивляться не было ни сил, ни желания. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Может, еще удастся выкарабкаться и из этой передряги. Я, кажется, живучий.

Малика же и вовсе быстро подстроилась под обстоятельства, видно не в первый раз на ее свободу покушались. Она сама встала на колени и протянула руки «узбеку». Так у нее одной руки оказались связаны спереди, хоть почесаться можно. Я до такого лайфхака, конечно, не додумался.

До утра нас никто не беспокоил, мы просто сидели на пятках со связанными руками и думали, что будет дальше. То есть я думал, а чем занималась женщины, Бог их знает. Шломит, кажется, спала или пыталась, а Малика что-то шептала себе под нос, наверное, молитву.

Напавшие на нас бормалеи тихо переговаривались и обустроивались. В пещеру они зашли, но не найдя ничего интересного или полезного – быстро вышли. Собрали верблюжьи лепешки, сухие колючки и кое-как развели костер. Плюхнули прямо в него котелок с водой, поставили часового – нас охранять и разбрелись по спальным местам, пристроившись тут же на земле.

Всю ночь часовые менялись, явно по заранее установленному режиму, и никто не пытался с нами заговорить или что-то объяснить. Зато, чуть солнце позолотило верхушки останцев за мной пришли. Молчаливый приближенный Рыжебородого, аккуратно поднял меня за плечо и, легонько подталкивая дулом автомата, повел к главному.

Тот похоже спал в пещере, демонстрируя свое положение, но уже выполз на свет и грелся у отдельного костра. И ночь, и утро тут были прохладными, особенно по сравнению с дневной жарой.

– Садись, – Рыжебородый обратился ко мне по-русски и милостиво указал на место напротив себя. Я устроился, как мог со связанными руками. – Будешь? – он протянул мне открытую банку тушенки с воткнутой в мясо алюминиевой ложкой. – Слава Аллаху, говядина. Но ты ведь, наверное, и свиной теперь не брезгуешь?

Тушенка выглядела ужасно привлекательно, я только сейчас понял, как проголодался, и невольно облизнулся.

– Дени, развяжи ему руки, – Рыжебородый улыбался, но глаза его оставались пустыми и холодными. Я почувствовал, как моей ладони коснулась холодная сталь ножа Дени, и пластиковая лента наручников, натянувшись, лопнула.

Тушенку Рыжебородый тут же поставил в мою раскрытую горсть. Банка была зеленая с желтоватой звездой и гордой надписью «Армия России»:

– Гуманитарка? – хмыкнул я.

– Понятия не имею, на входе сюда нашли багги, а там пару коробок с этим добром. Большое подспорье, а то мы неделю по пустыне бродим, питаемся только медом и акридами, будто пророк Яхья, мир ему. – Рыжебородый говорил по-русски хорошо, почти правильно, но с характерным гортанным, булькающим акцентом. – Неужели ты меня не помнишь? – он сощурился, будто проверяя свои предположения.

Я в ответ только помотал головой – тушенку нужно было сожрать быстро и до доньшка, ну и что, что холодная.

– Как знаешь. Я на тебя не в обиде. Ты правильно сделал, что сбежал. Наше время прошло. Я тоже думал сдать, но, сам знаешь, у меня руки по локоть в крови, если не по плечи. Таким, как я амнистия не положена. А смысл всю жизнь в тюрьме просидеть? Нет, я еще побарахтаюсь. Как тебя сюда-то занесло? Я думал, ты обратно к своим вернулся, слил информацию, получил прощение...

– Прости, но не понимаю, про что ты. У меня тут мозги чуть не сварились, две недели в бреду провалялся, еле выжил. Маму родную не помню.

– Я видел ее фото. Красивая женщина, но глаза грустные. Знаешь, что с ней? Похоронила тебя небось. Ты говорил, что она профессор, детей музыке учит. Помнишь, как на дом заброшенный наткнулись? А там пианино. Ты даже сыграл что-то, ребятам понравилось...

Я прикусил губу и поставил пустую банку в песок:

– Прости, ничего не помню. Какой из меня пианист, – невольно мой взгляд упал на собственные руки – длинные тонкие пальцы, как у больного с синдромом Марфана. Я поспешил их спрятать в складках балахона. – За тушенку спасибо.

– Как знаешь, как знаешь, – Рыжебородый покачал головой. – Я ряд тебя видеть. Как домом повеяло. Дорога туда мне заказана. Здесь закопают в ближайшем бархане. Чую, что отвоевался. Не выходит у нас праведное государство. Один сброд, – он зло сплюнул.

– А мы-то тебе на кой сдались? Две бабы и я, заморыш без памяти? Не роли же Адама, Евы и Лилит нового мира ты нам отвел?

– У нас их называют Хивва и Карина, и это ты забыл? Ах, да, мозги сварились, все забыл. Хотелось бы и мне так же. Ладно, хочешь к делу, давай к делу, – Рыжебородый набрал в грудь побольше воздуха и поправил давивший на живот ремень, – Мне нужна голова. И я знаю, что она здесь.

– Голова?

– Да, Яхьи. Пророка Яхьи

– Кто это?

– Ты не знаешь?

Я усиленно замотал головой, чтобы он мне поверил. Но по лукавому прищурю бородача было видно – каждое мое слово он считает враньем.

– Тогда спроси у своих баб. Ты видишь, мы с вами предельно вежливы. Даже рыжую мог не спасать, мы хотели только руку ей прострелить, чтобы твои мозги на месте оставить. Я много пролил крови, больше не хочу. Но ты знаешь, что, если будет нужно – пушу девок по кругу, а тебя выпотрошу, несмотря на нашу прежнюю дружбу. Мы очень устали, так что не рекомендую испытывать наше терпение. Отдайте нам голову и будете свободны, – Рыжебороды оттараторил это, как скороговорку, будто готовился и выучил свое послание наизусть, чтобы нигде не ошибиться. – Дени, свяжи его!

Похоже разговор был закончен, хотя понятнее от него не стало. Поел, и на том спасибо.

Я покорно заложил руки за спину, и Дени стянул на моих запястьях новые пластиковые наручники. Они их оптом что ли закупали?

Префект очень не любил передвигаться в носилках. Носилки – для весталок и матрон, а воину не пристало болтаться по ухабам в тряпичном шатре. Но, Антипа предупредил: в городе неспокойно, и так будет безопаснее.

Спокойствие в городе было нарушено самим тетрархом. Этот тупица и бездельник умудрился заточить в темницу местного авгура, что и переполошило ос в гнезде. И ладно бы, поймал в своей Перее и там бы и оставил, нет! Перевез его в Ершалаим, не спросив разрешения! И это накануне Песаха, когда город наводнен всяким сбродом и едва управляем. Вот, zeloty и выползли из всех щелей, да и простые иудеи стали зло коситься на римлян из-под сросшихся на переносице бровей.

Пилат плохо разбирался в здешних верованиях. Он все еще мечтал, что однажды его отправят в более дружелюбную и тихую провинцию, а потому не интересовался иудейскими сказками. Но он прекрасно понимал, что нельзя трогать веру и верующих, ни своим, ни чужим. В противном случае – быстро людей не уговорить. Они будут шататься и шептаться по углам до тех пор, пока не найдут выход своему недовольству. Толпа, наверняка, потребует крови, чтобы отомстить и успокоиться. Люди всегда так делают, когда не знают, как поступить.

Конечно, авгур оскорбил самого Антипу и его жену... Но народ безумно любит этого авгура, многие почитают его как божество. Пилат не раз слышал, как иудеи говорят о нем с придыханием. О тетрархе так никто не говорит, его никто не любит и не уважает. То, что сказал авгур про Иродиаду, уже давно вертелось на языках у всех ее подданных. Он лишь имел смелость произнести это вслух.

Антипа же поступил опрометчиво, ему следовало стерпеть обиду и сохранить покой в стране, но тетрарх был дураком, да еще и шел на поводу у своей вероломной жены. Умная и талантливая Иродиада легко могла бы управлять государством. Но ее чрезмерное тщеславие портило жизнь и ей самой, и всем, кто был рядом с ней.

Вот уже несколько дней Антипа очень любезно и настойчиво зазывал префекта к себе на скромный ужин: хотел угостить вином из собственных виноградников и языками фламинго, приготовленными по особому рецепту. Тетрарх любил пышные и помпезные застолья и не знал меры в поедании вычурных яств так же, как его жена не знала меры в своем властолюбии.

Пилату же ехать не хотелось. От изысканных блюд и медовых речей Антипы наутро у него болели и голова, и желудок. Да и было очевидно, что на ужине тетрарх попросит помощи. Ему нужно казнить авгура по-тихому, подстелить соломки, так сказать... А ввязываться в иудейские распри, да еще и в религиозные – себе дороже. Риму это не нужно, Пилату лично – тоже. Если тетрарха растерзает толпа – лучше будет всем.

Но префект все-таки поехал. И не на ужин, а просто так. Он и сам бы не смог ответить, почему все же решил навестить Антипу. Наверное, стало интересно, как тетрарх выкрутится на этот раз, и что предложит, ему, префекту, в обмен на помощь.

За размышлениями о судьбах вверенной ему провинции Пилат даже не заметил, как оказался у дворца Антипы. Рабы, несшие носилки, остановились, и префект отодвинул завесу.

По ступенькам дворца уже бежали мускулистые нубийцы, чтобы подставить свои лоснящиеся спины под ноги Пилата. «Восточное варварство!» – подумал префект, ступая на одного из склонившихся невольников. – «В Риме бы просто вынесли скамью».

Пилат ворчал – все ему было тут не по душе, и местные обычаи, и местный народец, и их глупый царек. Но вдруг кое-что примечательное отвлекло его и заставило подумать, что вверенная ему провинция не так уж и плоха.

Вдоль одной из стен дворца, постоянно оглядываясь, крались две женщины: служанка в варварском платье и юная госпожа в лазурной палле. Госпожа кралась удивительно грациозно, будто кошка, отправляющаяся на свидание с котом.

Нечто неуловимое в движениях девушки заставило старого вояку замереть на месте. Ему вспомнилась Клавдия, еще совсем молодая, легконогая, тонкостанная... Когда-то она была

прекрасна, будто Селена, сошедшая с небес. Но время не пожалело жену префекта. Клавдия постарела, и ни одна из заветных притирок матрон уже не могла вернуть ей былую красоту.

– Префект! – окликнул кто-то Пилата, и он вдруг понял, что все еще стоит на черной спине раба. Неожиданно обретя невиданную легкость, префект изящно соскочил с нубийца и направился к тому, кто его звал. Это был Маннэи – главный стражник тетрарха, человек коварный и хитрый, как сам Аполлон.

– Скажи мне, Маннэи, кто эта женщина? – Пилат близоруко сощурился и махнул рукой в сторону заинтересовавших его фигур. Главный стражник посмотрел туда, куда ему указывали, и заметно помрачнел. Маннэи был предан семье тетрарха, как пес, и, хотя префекту была неведома причина такой верности, он отдавал ей должное.

– Это служанка госпожи, я думаю. Пойдем, тетрарх ждет тебя.

– Маннэи, не обманывай меня! Я догадался, что та, что в еврейских одеждах – служанка! Кто в лазурной палле крадется вдоль стены? – Пилат понял, что узнал нечто, о чем ему никто не хотел рассказывать.

– Я не знаю, но...

– Это Саломея, Иродиадина дочка, – внезапно ответил один из рабов префекта, неотступно следовавший за ним. – Она частенько сбегает из дворца, это всем известно.

Маннэи побагровел, но заставить замолчать или наказать невольника Пилата он не мог. Так что, гнев главного стражника, не находя выхода, сжигал изнутри его самого, заставляя потеть и краснеть.

– Ну, веди меня к Антипе, – лукаво ухмыльнулся префект. Он уже знал, что попросит у тетрарха в обмен на помощь.

Вернувшись на свое место среди пленников, я натолкнулся на недобрый взгляд Шломит. Ее подбитый глаз был по-прежнему закрыт, но опухоль почти спала, а синяк заметно посветлел. Как-то подозрительно быстро на ней все заживало, даже быстрее, чем на собаке.

– Он тебя знает? – здоровый зеленый глаз Шломит продолжал светиться, словно светодиод.

– Кто?

– Он, – она мотнула головой в сторону Рыжебородого, разминавшегося в лучах рассветного солнца.

– Нет.

– Тогда почему они тебя позвали?

– Без понятия, – я пожал плечами. – Может, потому что я единственный мужчина? Салафиты вроде ж не любят общаться с женщинами...

– Ты не помнишь, как тебя зовут, но помнишь про салафитов? Очень странно.

– Я же помню про михраб и ренессанс...

– Это не михраб!

Упорная женщина, ей точно нужно работать в органах и светить лампой в глаза. Если, конечно, она не уже.

– Да какая разница?!

– Вы долго общались, он говорит по-русски?

– Да.

– А как он понял, что ты говоришь?

– Но ты же поняла?

– Малика слышала, как ты бредишь по-русски, – Шломит умудрялась вести допрос даже со связанными руками, находясь в одном со мной положении – весьма печальном и хлипком положении.

– Ну может, на лице моем написано, откуда я знаю. Он похож на чеченца, чуёт, наверное, русских...

– А ты откуда знаешь, как выглядят чеченцы? Ты ж вроде из ЦАХАЛа? Ты воевал где-то еще? Как тебя тогда взяли в армию в Израиле?

– Бл..ь! Этнографом работал, наверное! Вон тот – сто пудов узбек! – я кивнул в сторону лысого скуластого охранника, и он, к моему удивлению, обернулся. Разговаривать нам не мешали, и теперь стало ясно почему – русский знал не только рыжебородый. Они, видимо, надеялись что-то выудить из наших разговоров, да и вообще, лучше знать, о чем думают твои пленники, чем не знать.

– Хорошо, что они хотят?

– Наконец-то вопрос по делу! Им нужна голова пророка Яхьи, понятия не имею, что это.

– Им нужна голова Иоанна Крестителя?

Я невольно вздрогнул, до этой минуты я был уверен, что «голова пророка Яхьи» – всего лишь код. Название оружия или бриллианта или даже растения типа женьшеня или опиумного мака, может, наркотика... Что-то чем можно выгодно торгаться в условиях военных действий. Но теперь «код» превратился в настоящую человеческую голову. Отрубленную...

Я вспомнил тот жуткий хлюпающий звук, который издает голова, когда ее отделяют от туловища. Тошнота подкатила к горлу, и меня чуть не вырвало.

– Я думал она в мечети Омейядов...

– Ага, и в Нотр-Дам-д'Амьен, и в Сан-Сильверстро-ин-Капите, и в Гандзасарском монастыре, и в Великой Лавре, и в Топ-Капы, и в монастыре Макария Великого, и в Кирилло-Мефодиевской соборе... Какая из них настоящая? – Шломит улыбнулась, зловеще сверкнув зеленым глазом.

– Которая где-то здесь?

– А ты молодец, не все мозги сварил. Смекаешь.

– И ты знаешь, где она? – «узбек» опять обернулся, подтвердив мои подозрения. Но его движение заметила и Шломит, впрочем, она и без того явно не собиралась сдавать явки и пароли абы кому.

– Может, и нет, – она расплылась в лукавой улыбке, словно чеширский кот.

– Тогда в чем проблема? Отдайте им голову и дело с концом.

– Нет, ошиблась, не смекаешь. Мы живы только до тех пор, пока они не знают, где голова. И не знают, кто именно из нас знает. А так, зачем им свидетели, которые еще и могут броситься в погоню?

– И? Что дальше-то? Ждать, пока у них кончится терпение, и они перейдут к пыткам? Или ты не боишься боли? Но ведь они могут сделать и что похуже?

– Что похуже, это что? – в голосе Шломит зазвенели металлические нотки, – Пустят по кругу? Об этом речь? Ты, правда, думаешь, что это очень страшно? Что ни я, ни Малика с таким не сталкивались? Да любая женщина всегда готова расслабиться и получить удовольствие. Это вас, мужиков, напрягает, напрягает посягательство на вашу собственность... – она говорила слишком горячо и агрессивно, и я не мог поверить в ее бесстрашие. Это больше походило на пустую браваду. Видя, что ее слова не производят должного впечатления, Шломит решила перейти в атаку, – Или ты хочешь сказать, что Малика тебе дала по доброй воле?

Под ее строгим взором я почувствовал себя неуютно. Неужели Малика все рассказала? Или это просто самое очевидное предположение? В любом случае следовало сменить тему:

– То есть ты готова умереть ради куска мяса и костей, которому две тысячи лет и который, скорее всего, подделка?

– А ты готов ради чего-то или кого-то умереть?

Растекающаяся по грязи кровь, вкус стертых военных ботинок, труп друга в грязи – эта картинка снова всплыла в моей голове.

– Я хочу выжить. Любой ценой.

– В этом и вся разница. Вся разница, солдат. Хорошо, что ты не знаешь, где голова...

«Узбек» замер и внимательно посмотрела на меня. Если они начнут стрелять, то я буду первым. Спасибо, Шломит.

Разговор с префектом был тяжелым и оставил по себе гадкое послевкусие, словно дурное вино. Опытный военачальник не мог не заметить, что в битве тетрарха с народом его резерв имеет решающее значение, и, конечно, стал торговаться. Торговаться грубо и смело, чувствуя свою силу.

Его предложение было возмутительным, оглушающим, почти противоестественным... И Антипа ничего не мог ему противопоставить, разве что, просто выпустить пророка на волю, даже без извинений, которых Йоханан, уверенный в своей правоте, никогда не произнес бы.

Толпа, наверняка, сочтет это слабостью, но такая слабость ей понравится. А потом можно будет отрезать головы тем, кто действительно слишком рьяно борется за мораль первого семейства, тихо и аккуратно.

И зачем он вообще послушался Иорадиаду и бросил в темницу беззащитного и безвредного праведника? Маннэи говорил, что он даже сдался сам, успокоив людей, будто знал заранее, что за ним придут.

– Господин мой, госпожа просит ее впустить, – зашептал черный, как эбеновое дерево, раб. Антипа звал его Архелаем. Ему нравилось произносить имя брата, чтобы отдать очередное приказание. Конечно, смех над мертвым врагом – удел проигравшего труса, и Антипа осознавал, что поступает глупо, но никак не мог противиться желанию глумиться над тем, кто увел у него царский венец.

Иродиада никогда никого ни о чем не просила, только требовала, и раб лишь соблюдал обычаи. Царица уже стояла перед пустым тронном, который Антипа покинул, чтобы встретить префекта, как подобает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.